
ЮЛИЙ ЛЮЦИФЕР
РАЗВОД С ДРАКОНОМ.
НЕВЕСТУ ЗАБИРАЮ

Юлий Люцифер

Развод с драконом. Невесту забираю

https://litres.ru/74805539

Аннотация

— Ты уедешь сегодня, Ливия. Моей невесте незачем встречаться с бывшей женой.

Двенадцать лет я жила его заботами, принимала его гостей, ждала из поездок. Теперь мужу-дракону понадобилась молодая наследница, а мне велели собрать вещи и не устраивать сцен.

Я собиралась уехать тихо.

Но перед отъездом та самая девушка вцепилась в мой рукав.

— Возьмите меня с собой. Пожалуйста. Он не выпустит меня из этого дома.

Я смотрела на женщину, которой меня заменили. А потом помогла ей надеть плащ моей служанки и усадила в свою карету.

К вечеру у дракона не осталось ни жены, ни невесты.

Зато у нас появился защитник — брат беглянки. Опальный военачальник, которого мой бывший называл предателем и убийцей. Мужчина, рядом с которым следовало держаться настороже.

Он предложил мне помощь. Выслушал мое «нет». И не потребовал заслужить право на собственное решение.

Теперь Северин требовал вернуть ему невесту. А я все чаще замечала, как ее брат смотрел на мои губы, и забывала, что собиралась ему сказать.

Я хотела только помочь его сестре.

Но уезжать от него уже не хотелось.

Содержание

Глава 1. Место для новой жены 5
Глава 2. Брат его невесты 73
Глава 3. Я останусь по своей воле 144
Конец ознакомительного фрагмента. 147

Глава 1. Место для новой жены

Северин положил решение о разводе между сахарницей и блюдом с остывшими яйцами.

— Все вступило в силу сегодня утром, — сказал он. — Управляющий подготовил остальные бумаги. Надеюсь, мы обойдемся без неприятных разговоров.

Я посмотрела на документ.

Двенадцать лет брака уместились на двух листах плотной бумаги. Печать брачного ведомства, подписи, дата. Десять дней назад я получила уведомление, так что неожиданностью развод уже не был.

Неожиданным оказалось то, что Северин назначил наш последний разговор на завтрак.

На мое обычное место не поставили чашку.

— Ты мог вызвать меня в кабинет, — заметила я.

— Зачем придавать этому лишнюю торжественность?

Он отодвинул тарелку, даже не притронувшись к еде.

Рядом с ним стоял управляющий, сухощавый мужчина лет пятидесяти, который за последние шесть лет научился входить в комнату почти бесшумно. Обычно Северин не приглашал его к семейному столу. Сегодня, видимо, счел полезным иметь свидетеля.

— Госпожа Дорн, — начал управляющий, раскрывая пап-

ку.

— Эрт, — поправила я.

Он осекся.

Северин едва заметно поморщился.

— Ливия, не надо.

— В документе написано, что с сегодняшнего дня я вправе пользоваться прежней фамилией. Я собираюсь это делать.

Управляющий заглянул в верхний лист.

— Разумеется, госпожа Эрт.

— Продолжайте.

Он прочистил горло.

— В соответствии с распоряжением господина Дорна ваши личные вещи будут отправлены вместе с вами. Карета, принадлежавшая вашему отцу, остается в вашей собственности. Также приготовлены два дорожных сундука. Остальное имущество...

— Подлежит отдельному разделу, — закончила я.

— Да, госпожа.

— Тогда почему вы говорите о нем так, будто все уже решено?

Северин положил ладонь на папку.

— Потому что я не намерен обижать тебя деньгами.

— Я спросила управляющего.

— А я отвечаю. Ты получишь содержание, достаточное для спокойной жизни. Небольшой дом за городом, прислугу, если захочешь. Не вижу причины превращать расставание в

тяжбу.

Я села на стул напротив него.

Это был единственный свободный стул за столом, рассчитанным на шестерых. На прежнем моем месте теперь лежала стопка писем, перевязанная темно-зеленой лентой.

Раньше Северин терпеть не мог посторонние бумаги за завтраком.

— Сколько? — спросила я.

— Что?

— Сколько денег ты предлагаешь?

Он назвал сумму.

Я перевела ее в годовой доход, вычла расходы на содержание дома, жалованье прислуге, покупку дров и корм для лошадей. Прожить было можно. Если не болеть, не путешествовать и ни разу не затеять серьезный ремонт.

— А взамен?

Северин посмотрел на управляющего.

Тот вынул еще один лист.

— Соглашение о добровольном отказе от дальнейших имущественных требований.

Я протянула руку.

Бумагу мне передали не сразу. Управляющий дождался короткого кивка хозяина.

Прочитав первые три пункта, я поняла, что содержание Северин оставлял за собой право пересматривать. Отказ от имущества, напротив, должен был стать окончательным.

— Ты предлагаешь мне деньги по своему усмотрению в обмен на отказ от того, что принадлежит мне по закону?

— Я предлагаю тебе избавить себя от длительного разбирательства.

— Это не одно и то же.

— Ты никогда не любила заниматься подобными вещами.

Я подняла глаза.

— Кто вел счета этого дома последние восемь лет?

Северин устало выдохнул.

— Пожалуйста, не начинай.

— Я задала вопрос.

— Ты вела домашнее хозяйство. И прекрасно справлялась. За это я тебе благодарен.

Он произнес последние слова тем тоном, каким благодарил слуг за удачно устроенный прием.

В первый год брака он иногда оставлял мне на подушке короткие записки. Писал, что скучал на совещании, что купил по дороге мои любимые груши, что хочет увезти меня на неделю туда, где нас никто не знает.

Позднее записки исчезли.

Последние два года наши разговоры за завтраком сводились к списку гостей, стоимости ремонта и тому, когда ему потребуется парадная столовая.

Я знала, что любовь не обязана сохраняться неизменной.

Но все равно не могла понять, когда именно человек, с которым я собиралась состариться, начал смотреть на меня

как на уволенного управляющего.

— Я подпишу получение личных вещей, — сказала я. — Отказ от имущественных требований подписывать не буду.

Управляющий замер с пером в руке.

— Ливия, — произнес Северин.

— Я еще не закончила. Карету попрошу осмотреть перед отъездом. Если на ней что-то сломано, я должна узнать об этом здесь, а не посреди дороги.

— Карета исправна.

— Проверю сама.

— Ты собираешься править?

— Да.

— У тебя нет кучера.

— Я заметила.

Управляющий опустил глаза.

Северин некоторое время рассматривал меня с таким выражением, будто пытался понять, когда я успела стать столь неудобной.

— Не нужно изображать обездоленную женщину, — сказал он наконец. — Я могу предоставить экипаж с людьми.

— Не хочу ехать в твоем экипаже.

— Как знаешь.

Он взял чашку.

Я почти увидела, как он мысленно вычеркнул этот вопрос из списка дел.

— До вечера дом должен быть освобожден, — продолжил

он. — У нас начинается подготовка к семейному торжеству.

Я сперва решила, что ослышалась.

— Какому торжеству?

Северин медленно поставил чашку.

Впервые с начала разговора он выглядел раздраженным по-настоящему.

— Полагаю, нет смысла скрывать. Я собираюсь жениться.

Управляющий принялся изучать край папки.

Я некоторое время смотрела на бывшего мужа.

— Когда?

— Через пять дней.

Мне не сразу удалось ответить.

Десять дней назад Северин сообщил о разводе. Сказал, что наш брак себя исчерпал, что мы давно живем по привычке и было бы жестоко продолжать притворяться.

Я спросила, есть ли у него другая женщина.

Он тогда ответил:

«Ливия, сейчас дело не в женщинах».

Оказывается, дело было в свадьбе.

— Ты уже назначил дату, — произнесла я.

— Конечно. Такие мероприятия готовятся заранее.

— За десять дней?

— Подготовка началась раньше.

Я отвернулась к окну.

По мокрым плитам двора рабочие катили тележку с кадками белых осенних роз. Садовник показывал, куда их по-

ставить. Двое лакеев снимали старые фонари с колонн у въезда.

С утра я думала, что в доме готовятся к очередному приему.

— И кто она?

Северин помедлил.

— Тея Вельмар.

Имя было знакомым. Я встречала его в списках гостей, которыми муж занимался в последнее время, и однажды слышала разговор о разорившемся пограничном роде.

— Вельмар? — переспросила я. — Из Керна?

— Именно.

— Ей ведь совсем немного лет.

— Двадцать три.

Мне было тридцать два.

Северину — сорок один.

Он никогда не называл меня старой. Ему хватало других слов. Слишком чувствительная. Утомленная. Привыкшая к дому. Женщина, которой уже неинтересны поездки и новые знакомства.

А сегодня он собирался жениться на двадцатитрехлетней девушке.

— Где она сейчас? — спросила я.

— В гостевом крыле.

Я посмотрела на него.

— В нашем доме?

— В моем доме, Ливия. И только до свадьбы. Ничего непристойного здесь нет.

— Как давно?

— Почти неделю.

Неделю.

Я вспомнила закрытую дверь западной галереи, чужие голоса за перегородкой, распоряжение готовить обеды на одну особу больше. Управляющий объяснил это приездом родственницы одного из деловых партнеров.

На четвертый день я видела в саду светловолосую девушку. Она шла между двумя мужчинами в дорожных мундирах и держала руки перед собой, словно боялась задеть влажные ветви.

Один из мужчин заметил меня и увел ее через боковую дорожку.

Тогда я не придала этому значения.

— Ты поселил свою будущую жену под одной крышей со мной, пока оформлял наш развод.

— Я обеспечил ей надлежащий прием. Ее положение сейчас непростое.

— Насколько непростое?

— Это служебные обстоятельства. Они тебя больше не касаются.

На столе, возле стопки писем, лежал развернутый договор. Я увидела герб Вельмаров и несколько слов, написанных крупным писарским почерком.

«Представительство рода».

Ниже — «управление гарнизоном Керн».

Северин заметил направление моего взгляда и накрыл договор ладонью.

— Тея нуждается в защите, — сказал он. — Наш брак решит несколько важных вопросов.

— Для нее?

— Для всех заинтересованных сторон.

Я уже слышала такой ответ. Обычно после него выяснялось, что нужнее всего решение было самому Северину.

— Она согласна? — спросила я.

— Разумеется.

— Ты спрашивал ее сам?

Он откинулся на спинку стула.

— Что ты пытаешься выяснить?

— Мне интересно, как скоро ты научился обсуждать свадьбу с женщиной, пока твоя прежняя жена еще собирает вещи.

— Я не собираюсь оправдываться перед тобой.

— Не надо. Просто ответь.

— Ее семья понимает выгоду этого союза. Мне достаточно.

Последние слова мне не понравились.

Но тогда я думала прежде всего о себе. О том, что совершенно чужая девушка занимала гостевую комнату в нескольких десятках шагов от нашей бывшей спальни, пока я каж-

дую ночь пыталась понять, чем заслужила такое холодное расставание.

— Я хочу уехать до вечера, — сказала я.

— Прекрасно.

— И прошу не присылать ко мне людей с требованиями вернуть подарки.

— Никто не собирается отбирать у тебя украшения.

— Речь не только об украшениях.

Управляющий снова пошевелился.

Северин сделал ему знак молчать.

— Тебе кажется, что я поступаю жестоко, — произнес он уже мягче. — Но через некоторое время ты поймешь, что так будет лучше. Мы слишком разные. Я постоянно занят. У меня впереди важные обязанности. Тебе же всегда хотелось спокойной жизни.

Мне хотелось ответить, что я мечтала совсем о другом.

О поездках, которых мы все время откладывали. О работе, к которой он просил не возвращаться. О том, чтобы хоть раз за год поужинать с мужем без приглашенных чиновников.

Вместо этого я спросила:

— Ты помнишь, кем я занималась до свадьбы?

Северин нахмурился.

— Помогала отцу.

— Чем именно?

— Ливия, зачем это сейчас?

— Просто скажи.

— Какими-то перевозками.

Какими-то перевозками.

Шесть лет я ездила с отцовскими обозами. Знала цену хорошему фуражу, умела выбирать ночлег, помогала доставлять лекарства в приграничные селения. Один раз мы провели через осеннюю распутицу караван с ранеными и не потеряли ни одной повозки.

Северин сам когда-то слушал мои рассказы до глубокой ночи.

А теперь не помнил даже того, что я делала.

— Да, — сказала я. — Перевозками.

Я придвинула к себе решение о разводе.

На последней странице стояла дата. С этого утра брак был расторгнут.

Северин протянул перо.

— Подпишем остальное, и на этом закончим.

— Решение уже действует, — напомнила я. — Моя подпись под отказом от имущества для этого не нужна.

— Я предпочел бы не возвращаться к вопросу.

— Тогда пусть им занимаются наши представители.

Я встала.

Управляющий неожиданно заговорил:

— Госпожа Эрт, имеется также выездная ведомость. Вам разрешены собственная карета, два сундука и одна сопровождающая служанка. Без нее...

— Со мной поедет Бесса.

— Она вписана, госпожа.

Северин с досадой посмотрел на бумаги.

— Не задерживайся. К вечеру сюда прибудут гости.

— Не волнуйся. Я не собираюсь смотреть на приготовления к твоей свадьбе.

Он подошел, когда я уже направилась к двери.

На мгновение мне показалось, что сейчас скажет что-то человеческое. Может быть, признает, что двенадцать лет нельзя просто вычеркнуть из жизни. Или хотя бы спросит, куда я направлюсь.

Но Северин остановился в двух шагах.

— Ты ведь понимаешь, что я не хотел причинять тебе боль?

Я посмотрела ему в лицо.

Седины у висков стало больше, чем прошлой осенью. На подбородке остался маленький шрам, полученный в год нашей свадьбы. Тогда он неудачно обратился возле тесной конюшни и задел лицом каменную стену. Я промывала рану, а он смеялся, что теперь придется жениться с повязкой.

Воспоминание оказалось неожиданно неприятным.

— Ты знал, что сделаешь мне больно, — ответила я. — Просто решил, что это не повод менять планы.

Он ничего не сказал.

Я вышла, прежде чем у меня начали дрожать губы.

До своей комнаты я дошла спокойно.

Только там обнаружила, что все это время сжимала в руке лист с решением о разводе и помяла его так, что на месте печати осталась складка.

Пришлось расправить бумагу на столе.

Она еще могла понадобиться.

На кровати лежали мои вещи.

Чужие руки уже сложили половину одежды.

У открытого шкафа стояла Бесса Лан. Она держала мое серое платье и смотрела на два дорожных сундука, выставленных посреди комнаты.

— Я велела их не закрывать, — сказала она вместо приветствия. — Эти бездельники собирались уложить туда ваши зимние сапоги поверх шелковых сорочек.

Я закрыла дверь.

— Кто приказал собирать вещи без меня?

— Управляющий. Еще вчера вечером.

— Почему ты мне не сказала?

Бесса аккуратно положила платье.

— Вчера вы заснули впервые за несколько ночей. Я не стала будить вас ради чужой глупости. А сегодня хотела сказать до завтрака, только господин велел явиться к нему сразу.

Я подошла к сундукам.

Сверху лежало белое платье, в котором я обычно встречала высоких гостей. Его рукава были вывернуты, застежки спутались с кружевом.

— Это платье мне больше не нужно.

— Знаю. Потому и не позволила запереть сундук.

Бесса работала у нас тринадцать лет. Она пришла за несколько месяцев до свадьбы и успела увидеть меня невестой, женой, хозяйкой большого дома и женщиной, которая перестала заказывать себе новые дорожные сапоги, потому что никуда не ездила.

Она была старше меня на одиннадцать лет, обладала удивительной способностью не теряться в чужих вещах и не боялась говорить правду, если рядом не было Северина.

— Вы поедете сегодня? — спросила она.

— Да.

— Куда?

— Еще не решила.

Она повернулась.

— Совсем?

— Пока знаю только, куда не хочу возвращаться.

Бесса села на край кровати.

— Тогда придется решить хотя бы, где переночуем. У лошадей нет привычки всю ночь слушать, как люди выясняют отношения.

Я неожиданно улыбнулась.

— Я думала сначала добраться до тракта, а потом посмотреть.

— Плохой план.

— Согласна.

— Но лучше, чем сидеть здесь.

Она поднялась и принялась разбирать одежду.

— Возьмем четыре повседневных платья. Два теплых. Плащ. Белье. Сапоги, в которых вы сможете пройти больше трех шагов. Остальное пусть лежит.

— Ты уверена, что хочешь ехать со мной?

— А вы собираетесь бросить меня с новыми хозяевами?

Я посмотрела на нее.

— Ты можешь остаться. Я не обижусь. Северин, скорее всего, сохранит тебе место.

— Благодарю. Но я видела, как вчера принесли свадебное белье, а сегодня начали переставлять мебель в вашей комнате. Что-то мне не хочется встречать новую хозяйку с ключами от чужого шкафа в руках.

— Она уже здесь.

Бесса замолчала.

— Та девушка из гостевого крыла?

— Да.

— Значит, я правильно поняла.

Она некоторое время разглаживала сложенную сорочку.

— Простите, госпожа. Я подозревала, но не знала наверняка.

— Ты ничего не должна была угадывать за меня.

— Все равно неприятно.

— Очень.

Это было первое честное слово о разводе, которое я произнесла вслух за все утро.

Бесса подошла, положила руку мне на плечо и быстро убрала.

— Давайте соберемся. А потом можете плакать сколько захотите. Только не перед ним.

Я кивнула.

Мы разобрали шкаф.

Не все вещи стоило увозить. Некоторые я хранила исключительно потому, что не знала, куда их деть.

Однажды Северин подарил мне маленькое зеркало в серебряной оправе. Мы тогда прожили вместе чуть больше года. Он заметил, что я собираюсь на прием перед мутным стеклом в гостевой спальне, и сам заказал новое.

На обратной стороне была выгравирована дата нашего знакомства.

Я нашла зеркало в нижнем ящике туалетного столика.

Серебро потемнело. На краю появилась маленькая вмятина.

— Забираем? — спросила Бесса.

Я подержала его, вспомнила молодой голос Северина, его смущение, когда он вручал подарок, и тот вечер, когда мы опоздали на прием, потому что никак не могли расстаться у двери.

— Да, — ответила я. — Оно мое.

Бесса положила зеркало между свернутыми чулками.

Мне не хотелось уничтожать хорошие воспоминания только потому, что человек, с которым они были связаны,

позднее изменился.

В другом ящике лежали мои старые дорожные перчатки.

Кожа давно затвердела, один шов разошелся. Я купила их еще до свадьбы. Тогда думала, что мы с Северином будем путешествовать.

После первого года он попросил меня не выезжать с отцовскими обозами.

Сказал, что жена королевского служащего не должна ночевать на постоялых дворах и заниматься чужими лошадьми.

Я спорила.

Он обещал, что мы купим дорожный домик и станем ездить туда вдвоем.

Домик так и не появился.

Зато у нас появились приемы, официальные визиты, новые слуги и обязанности, которые нельзя было оставлять на другого человека.

Я развернула перчатки.

— Эти выбросить? — спросила Бесса.

— Нет. Положи отдельно.

— Шов разошелся.

— Починю.

Она удивленно подняла бровь.

— Вы?

— Когда-то умела.

— Тогда возьму крепкую нитку.

Я не стала возражать.

Из нижнего отделения письменного стола я достала дорожную тетрадь отца.

Обложка из коричневой кожи, потрескавшаяся по сгибу. Внутри — записи о дорогах, расстояниях, содержателях постоялых дворов, запасных переправах. На некоторых страницах отец рисовал простые схемы. Иногда рядом оставлял замечания.

«Здесь весной размывает дорогу».

«Хороший овес, дорогое сено».

«Хозяин честный, но кони у него ленивые».

Я провела пальцами по последней строчке.

Отец умер пять лет назад. На похороны я приехала без Северина. У него тогда проходила важная проверка, и он не мог оставить столицу.

Через несколько месяцев мы с сестрой Ирмой поссорились из-за продажи старого семейного обоза. Вернее, из-за того, что я так и не приехала помочь ей разобраться с долгами после отцовской смерти.

Ирма сказала, что я вспоминаю о семье, только когда мне удобно.

Я обиделась.

Написала ей два письма. Ответов не получила.

Позднее Северин уверил меня, что сестра не хочет поддерживать отношения и лучше оставить ее в покое.

Я оставила.

Теперь, глядя на отцовскую тетрадь, я впервые за долгое время задумалась, была ли права хотя бы в чем-то из той давней ссоры.

— Убираем в сундук? — спросила Бесса.

— Нет. Возьму с собой на козлы.

— Тетрадь?

— Да.

— Вы ведь давно не ездили за город самостоятельно.

— Помню.

Она хотела сказать что-то еще, но передумала.

Я перелистнула несколько страниц.

Большинство маршрутов могла вспомнить и без записей. Однако за двенадцать лет многое изменилось. Переправы переносили, деревни росли, трактиры закрывались. Старые знания не гарантировали безопасной дороги.

И все-таки у меня имелось хотя бы это.

Не только умение рассаживать знатных гостей и составлять списки столового серебра.

Когда вещи были почти собраны, я пересчитала деньги.

Сорок восемь серебряных марок.

Двадцать восемь лежали в небольшом кошеле, остальные я хранила в коробке для швейных принадлежностей. За годы брака я понемногу откладывала то, что оставалось от личных расходов.

Не потому, что собиралась бежать.

Просто отец всегда говорил: женщина, которая не знает,

сколько у нее собственных денег, слишком сильно зависит от чужих обещаний.

Я разделила марки между двумя кошелями. Один привязала к поясу под платьем, второй положила в дорожную сумку вместе с тетрадью.

— Маловато, — заметила Бесса.

— На первое время хватит.

— Если не станем покупать целую гостиницу.

— Не собиралась.

— Тогда вполне достаточно.

Мы обе понимали, что денег не так много.

До отъезда предстояло еще проверить карету.

Я попросила Бессу закончить упаковку и вышла во двор через черную лестницу.

В конюшне пахло влажной соломой и нагретой кожей. После утреннего дождя землю у водостока размесили сапогами.

Моя карета стояла у дальнего навеса. Зеленая краска давно потускнела, на дверце осталась царапина, полученная еще при отце. Экипаж был старше моего брака, но сделан добротно.

Отец подарил мне его на двадцатилетие. Вернее, передал с важным видом, будто я не ездила на этой карете с шестнадцати лет.

Тогда он сказал:

«Теперь отвечаешь за нее сама».

После свадьбы Северин несколько раз предлагал продать

экипаж и купить новый, подходящий нашему положению.

Я отказывалась.

В последние годы карета почти не использовалась. Ее держали исправной больше по привычке старшего конюха, чем по моим просьбам.

Сегодня лошадей уже вывели.

Рыжая кобыла Рута повернула голову и потянулась к моему рукаву. Черный мерин Грач недовольно переступил ногами.

Я погладила Руту между ушами.

— Скучали?

Она принялась обследовать мой карман.

— Ничего нет. Груши потом.

Конюх посмотрел на меня с удивлением.

— Госпожа, вам лучше подождать кучера.

— Я поеду сама.

— Управляющий велел подать двух лошадей, но...

— Они здоровы?

— Конечно.

— Тогда помогите запрячь. После я проверю крепления.

Он не спорил.

Пока мужчины подтягивали ремни, я обошла карету. Осмотрела оси, колеса, ступицы, проверила дверную защелку и отделение для дорожных вещей.

У Грача на левом постромке обнаружилась потертая петля.

— Эту лучше заменить, — сказала я.

Конюх наклонился.

— Держалась еще вчера.

— И завтра, возможно, выдержит. Но я не знаю, сколько нам ехать.

Он принес запасную.

Менять ее оказалось труднее, чем я помнила. Пальцы плохо слушались. Дважды пришлось начинать сначала.

На третьей попытке я справилась.

Конюх наблюдал молча.

— Вы и правда раньше ездили с обозами? — спросил он, когда я закончила.

— Правда.

— Я думал, это домовые байки.

— Почему?

Он замялся.

— Господин всегда говорил, что вы не любите дорогу.

Я выпрямилась.

— Не любите с тех пор, как вышли замуж, — поспешно добавил он.

Я посмотрела на карету.

— Видимо, он так решил.

Обижаться на конюха не имело смысла.

Но неожиданно захотелось узнать, сколько еще людей в этом доме считали мои желания тем, что Северин им рассказывал.

Когда я вернулась в покои, Бесса закрывала последний сундук.

У двери стоял управляющий.

— Госпожа Эрт, — произнес он, — необходимо оставить ключи от помещений, находившихся в вашем ведении.

Я вынула связку из кармана.

Восемнадцать ключей.

От кладовых, бельевых шкафов, комнаты с хозяйственными книгами, запасного входа в оранжерею, двух помещений для гостей. Был и маленький ключ от моего письменного шкафа, который я заказала много лет назад, чтобы не смешивать семейные письма с домовыми счетами.

Его я сняла.

Остальные положила на стол.

— Здесь семнадцать, — сказала я. — Восемнадцатый от моей личной мебели.

Управляющий пересчитал связку.

— Благодарю.

Он протянул ведомость.

— Прошу подписать передачу.

Я прочитала список. Все, что касалось ключей, было верно.

Подписала.

— И еще, — добавила я. — Карету уже осмотрели. Запасные постромки возьму свои. Прошу не задерживать выезд из-за вещей, на которые у меня есть право.

— Конечно.

Он забрал ведомость и исчез.

Бесса проводила его взглядом.

— Как ловко он теперь называет вас госпожой Эрт.

— Должность обязывает быстро привыкать к новому.

— А я все никак.

— Можешь говорить просто Ливия.

Бесса покачала головой.

— Нет уж. Столько лет называла вас госпожой, поздно переучиваться.

Она сказала это почти ласково.

Я подошла к окну.

Во дворе меняли ткань на небольшом навесе у парадного входа. Вместо темно-красной натягивали светло-серую с серебряной отделкой. Два мастера спорили о высоте крепления.

Нас готовились заменить очень старательно.

Я потянулась к занавеси, чтобы закрыть окно, и заметила движение в соседней галерее.

За стеклом прошла молодая женщина в светлом платье.

Следом шел охранник.

Она остановилась, что-то сказала ему. Мужчина покачал головой и жестом указал назад.

Девушка повернулась и исчезла за дверью.

Охранник остался снаружи.

Я вспомнила слова Северина.

«Тея нуждается в защите».

Очень странно выглядела защита, при которой охраняемый человек не мог самостоятельно пройти по дому.

— Бесса, — спросила я, — кто находится в западном крыле?

Она подошла к окну.

— Новая госпожа, видимо. Со вчерашнего дня там двойные караулы.

— Почему?

— Мне не объясняли.

— А раньше?

— Раньше охраняли только дальнюю лестницу. Теперь еще дверь из галереи. Говорят, у девушки неприятности с родней.

Я отвернулась.

Северин наверняка мог объяснить это так, что любой счел бы его предусмотрительным.

Он вообще умел объяснять почти все.

Однажды я спросила, почему не могу поехать навестить отца без предупреждения. Северин ответил, что дороги неспокойны и он опасается за меня.

В другой раз запретил приглашать Ирму, поскольку между нами оставались нерешенные семейные вопросы.

А когда я захотела снова сопровождать обозы, напомнил, что на моем месте должна быть женщина, достойная уважения окружающих.

Каждое решение по отдельности звучало разумно.

Только жизнь от этого становилась все теснее.

— Ладно, — сказала я. — У нас еще много дел.

Бесса уже потянулась к моей дорожной сумке, когда в боковую дверь негромко постучали.

Я посмотрела на нее.

В эту дверь обычно входили служанки с бельем. Сейчас никто не должен был ничего приносить.

Стук повторился.

Три быстрых удара.

Бесса открыла.

На пороге стояла та самая светловолосая девушка.

Она была без украшений, в простом голубом платье, с небрежно заколотыми волосами. Несколько прядей прилипли к влажному виску. В одной руке она держала свернутый платок, другой придерживала дверную ручку.

За ее спиной тянулся узкий служебный коридор.

— Простите, — сказала она. — Мне нужна госпожа Ливия Дорн.

Голос был низковатым, с хрипотцой человека, который давно не спал.

Бесса шагнула в сторону, закрывая меня плечом.

— Здесь нельзя находиться без разрешения.

— Я знаю.

Девушка посмотрела на меня.

— Вы Ливия?

— Да.

— Можно войти?

Я не ответила сразу.

Несколько секунд мы рассматривали друг друга.

Она была действительно красива. Светлые волосы, прямой нос, большие карие глаза. Черты еще совсем молодого лица, но взгляд взрослого человека, которому пришлось столкнуться с неприятными вещами.

Я представила, как Северин будет смотреть на нее за завтраком. Как начнет показывать ей свой дом, знакомить с важными людьми, покупать первые подарки.

Все то, что когда-то делал со мной.

— Вы Тея Вельмар? — спросила я.

Девушка кивнула.

— Мне очень нужно с вами поговорить.

— Тогда вы выбрали неудачное время.

— Другого не будет.

Бесса посмотрела на меня.

Я отступила на шаг.

— Входите.

Тея быстро проскользнула внутрь.

— Закройте, пожалуйста, — попросила она.

Бесса прикрыла дверь, но осталась возле нее.

Девушка оглядела сундуки, открытые шкафы, пустую полку над камином.

Потом посмотрела мне в лицо.

— Вы уезжаете сегодня?

— Как видите.

— На своей карете?

— Да.

Она прикусила губу.

— Возьмите меня с собой.

Я решила, что не расслышала.

— Что?

— Пожалуйста. Мне нужно выехать из этого дома.

Некоторое время я просто смотрела на нее.

Потом рассмеялась.

Смех получился коротким и неприятным.

— Вы серьезно?

Тея побледнела.

— Да.

— Вы пришли просить об услуге женщину, с которой ваш будущий муж сегодня развелся?

— Я знаю, как это звучит.

— Сомневаюсь.

— У меня нет другого выхода.

Я прошла к столу и взяла стакан воды.

Руки слушались плохо.

— В таком случае обратитесь к Северину. Он необыкновенно заботлив, когда речь идет о будущей жене.

— Я не могу.

— Почему?

Она посмотрела на Бессу.

— Можно без свидетелей?

— Нет, — ответила я.

Тея замолчала.

Я сделала глоток воды.

— Это моя служанка. Она поедет со мной. Если вы собираетесь просить меня нарушить какие-то правила, я предпочитаю, чтобы она знала об этом с самого начала.

— Хорошо.

Девушка глубоко вдохнула.

— Я не хочу выходить за Северина Дорна.

Я поставила стакан.

— Вам осталось всего пять дней, чтобы сообщить ему об этом.

— Я сообщала.

— И что он ответил?

— Что мне следует перестать вести себя как избалованной девочке. Что моя семья в тяжелом положении, а он предлагает единственный способ сохранить ее имущество.

Слова были до неприятного знакомыми.

Но я не собиралась отказываться от здравого смысла только потому, что Северин одинаково разговаривал с двумя женщинами.

— Если вы не хотите замуж, можете отказаться.

Тея отвела взгляд.

— Я уже отказалась. Несколько раз.

— Тогда почему готовятся к свадьбе?

— Потому что он собирается объявить мое согласие на церемонии. А до нее я не могу выйти из дома.

Я посмотрела на дверь, через которую она вошла.

— Однако сюда вы как-то добрались.

Она подняла руку.

На ладони лежал маленький железный ключ.

— Это от служебного прохода. У меня получилось взять его вчера. Охраняют парадную лестницу и выход в сад, но сюда обычно ходят только за бельем.

— И вас не хватились?

— Пока нет. После завтрака мне разрешают отдыхать до вечерних приготовлений. Обычно дверь открывают только по просьбе господина Дорна.

— Что значит «обычно дверь открывают»?

Тея сглотнула.

— Меня запирают.

Бесса перестала двигаться.

Я посмотрела на девушку внимательнее.

— Снаружи?

— Да.

— И вы считаете, что я должна поверить вам на слово?

Она медленно сжала ключ.

— Я понимаю, что вы мне не доверяете.

— Вы не просто чужая женщина, Тея. Из-за вас меня сегодня попросили освободить собственную спальню.

— Я знаю.

— Нет. Вы не знаете.

Она вскинула голову.

— Мне рассказали, что ваш брак давно закончен.

Я стиснула зубы.

— Конечно рассказали.

— Что вы сами захотели развода, только боялись его оформить. Что вы много лет живете отдельно и давно друг другу посторонние.

Бесса громко поставила на пол коробку с обувью.

Я некоторое время не могла говорить.

Мы с Северином не жили отдельно. До последних трех месяцев спали в одной постели. Еще весной я помогала ему готовить отчет для пограничного ведомства и ждала окончания проверки, чтобы наконец съездить к морю.

Он сказал, что работа важнее отпуска.

Я согласилась.

— А вам не показалось странным, что женщина, сама захотевшая развода, плачет по ночам? — спросила я.

Тея покраснела.

— Я не знала, что вы плачете.

— Разумеется. Вы ведь не выходите из своих комнат.

Я отвернулась к окну.

Внизу рабочие подняли новую ткань навеса. Серебряная бахрома легла ровной линией.

Тея заговорила тише:

— Я не была его любовницей.

Мне захотелось попросить ее замолчать.

Но она продолжила:

— Я не выбирала его. Не просила этого брака. Не приезжала сюда, чтобы занять ваше место.

— Вы приехали жить в доме женатого мужчины.

— Меня привезли. Под охраной.

Я резко повернулась.

— Вы совершеннолетняя.

— Мне двадцать три года. Я знаю, сколько мне лет.

В ее голосе впервые появилась злость.

— Меня привезли из Керна после того, как брат потерял право командовать гарнизоном. Северин объявил, что я нахожусь под его защитой. У людей, которые сопровождали меня, отобрали оружие. Моего секретаря отправили обратно. Письма проверяют. Когда я попыталась выйти через парадную дверь, меня остановили.

Она протянула руку.

На запястье виднелись желтоватые следы старых синяков.

— Сначала мне говорили, что это временно. Потом дали платье для свадьбы.

Бесса тихо выругалась.

Я посмотрела на следы на коже.

Это еще не доказывало всего, что говорила Тея. Но достаточно ясно объясняло, почему она пришла в мои комнаты через служебный проход.

— Почему вы не обратились к стражникам?

— К каким? К тем, что стоят у моей двери по приказу господина Дорна?

— Есть городская стража. Есть королевские служащие.

— Чтобы обратиться к ним, нужно хотя бы отправить письмо.

— Можно потребовать свидетелей.

— Я требовала. После этого мне перестали разрешать выходить даже в сад.

Я хотела возразить.

Потом вспомнила, как месяц назад Северин без моего ведома отменил визит старой подруги, объяснив ей, что я заболела.

Подруга написала, что надеется на мое выздоровление.

Я узнала об отмене только тогда.

Северин сказал, что избавил меня от ненужных гостей.

— Почему вы не попросили помощи раньше? — спросила я.

— У кого?

— У служанок.

— Две девушки, которые мне прислуживают, боятся потерять места. Одна пыталась передать записку моим людям. Ее уволили на следующий день.

Бесса нахмурилась.

— Темненькая, с косой?

Тея кивнула.

— Вы ее знали?

— Видела на кухне. Нам сказали, что украла серебряную ложку.

Я посмотрела на Бессу.

Та медленно покачала головой.

— Ложек у них никто не пересчитывал. Мне сразу показалось странным.

Тея шагнула ко мне.

— Я не прошу вас везти меня далеко. Только вывезите за ворота. У моей семьи остались люди на Старом перевозе. Я знаю, как связаться с ними.

— Вы хотите, чтобы я спрятала вас в карете?

— Да.

— А что будет, когда Северин обнаружит вашу пропажу?

— Он отправит погоню.

— За вами.

Она опустила глаза.

— И за вами.

— Вот именно.

Я прошла к двери, чтобы открыть ее, но остановилась.

Не хотелось, чтобы девушка решила, будто я просто выставляю ее в коридор. Хотя всего несколько минут назад именно это я собиралась сделать.

— Тея, — сказала я, — вы понимаете, что просите?

— Да.

— Нет. Пока вы спрятаны в моей карете, отвечать за ваш

побег придется и мне. Северин способен объявить, что я похитила вас из ревности. Что я украла его будущую жену, чтобы отомстить за развод.

— Я скажу, что ушла сама.

— Если вам позволят говорить.

Она сжала платок.

— Я не могу остаться.

Я внимательно посмотрела на нее.

— Вы точно не согласились на этот брак?

— Нет.

— Ни письменно, ни перед свидетелями?

— Нет.

— Ничего не подписывали?

— Только подтверждение, что получила список вещей из дома отца. Мне сказали, что без этого я не смогу сохранить личное имущество.

Я вздохнула.

Северин любил такие бумаги.

— Покажите ключ.

Тея раскрыла ладонь.

Я взяла его.

Небольшой, старый, с длинной бородкой. Такие использовали в служебных дверях старой части дома. Новые замки Северин поставил только в парадных помещениях.

— Где вы его взяли?

— У управляющего была связка запасных ключей. Он

оставил ее на подоконнике, когда разговаривал с охраной. Я запомнила нужный и взяла, когда он отвернулся.

— Он заметит пропажу.

— Скорее всего.

— Тогда нам стоит торопиться, — сказала Бесса.

Я обернулась.

— Я еще ничего не решила.

— Конечно, госпожа. Только если вы все-таки решите помогать, времени уже немного.

В этом и была беда.

Я могла отказать.

Вернуть ключ, отправить Тею обратно и уехать до вечера. Забрать свои вещи, добраться до гостиницы, а завтра решить, как жить дальше.

Никто не обязан спасать чужую невесту в день собственного развода.

Тем более когда эта невеста пришла просить о таком сразу после завтрака с ее будущим мужем.

Я посмотрела на Тею.

Она стояла у сундука, стараясь не опираться на него руками. Казалось, ее больше всего пугало даже не то, что я откажу, а необходимость снова возвращаться и делать вид, будто ничего не произошло.

— Мне нужно кое-что проверить, — сказала я.

Бесса нахмурилась.

— Госпожа...

— Подождите здесь.

Я вышла в коридор.

Не через ту дверь, которой воспользовалась Тея, а через обычную.

За двенадцать лет я научилась проходить по дому так, чтобы ни у кого не возникало вопросов. Хозяйка могла проверить доставку белья, велеть заменить свечи, попросить открыть кладовую.

Уже не хозяйка, поправила я себя.

Но распоряжение о моем выезде еще действовало только на бумаге, и большинство слуг продолжали воспринимать меня привычным образом.

Я дошла до западной галереи.

Там находился короткий коридор с двумя дверями. Одна вела к гостевым спальням, другая — на лестницу для прислуги.

Возле первой стоял охранник.

Не обычный домашний караульный. На нем был дорожный мундир людей Северина, а на поясе висела короткая сабля.

— Госпожа Дорн, — сказал он, выпрямляясь.

— Эрт, — машинально поправила я. — Где старшая служанка гостевого крыла?

— Не знаю, госпожа.

— Позовите ее.

Он не двинулся.

— Мне велено оставаться у двери.

— Тогда передайте ей, что я жду.

Мужчина заколебался.

Из-за двери послышались шаги.

Вышла полная женщина в темном платье, которую я прежде несколько раз видела в доме.

— Госпожа, вам что-нибудь нужно?

— Я хотела узнать, когда можно забрать оставшееся белье из западной кладовой.

Она растерялась.

— Какое белье?

— То, что принадлежит мне. Несколько коробок передали туда еще летом.

Коробок там действительно было несколько, хотя я давно собиралась их перебрать и не сделала этого.

— Боюсь, сегодня не получится, — ответила женщина. — Господин Дорн запретил открывать крыло без особого распоряжения.

— Из-за гостей?

— Да, госпожа.

За ее спиной я заметила еще одного караульного.

Он стоял возле внутренних дверей.

Женщина проследила за моим взглядом и поспешно добавила:

— Госпожа Вельмар отдыхает. Ее нельзя беспокоить.

— Понятно.

Я уже собиралась уйти, когда из дальнего конца галереи появился молодой лакей с подносом.

— Для госпожи Вельмар, — сказал он.

Служанка взяла поднос и повернулась к охраннику.

— Откройте.

Тот достал ключ, повернул в замке и пропустил ее.

Женщина вошла.

Дверь за ней закрыли и снова заперли.

Я смотрела на движение ключа, пока караульный не заметил моего интереса.

— Госпожа?

— Ничего. Белье заберу через управляющего.

Я вернулась к своим комнатам.

Теперь у меня оставалось меньше сомнений.

Не все, что рассказала Тея, можно было проверить за несколько минут. Я не знала, кому принадлежали ее земли, что случилось с братом и почему Северин так торопился жениться.

Но я собственными глазами увидела, как дверь комнаты совершеннолетней женщины закрыли снаружи на ключ.

И вспомнила, что ее письмо семье никто не отправлял.

В комнате обе женщины ждали молча.

Тея вскочила, как только я вошла.

— Ну?

Я закрыла дверь.

— В западной галерее два караульных. Ваши покои запи-

рают снаружи.

— Я говорила.

— Говорили. Теперь я видела сама.

Она не улыбнулась.

— Вы поможете?

Я посмотрела на Бессу.

Та стояла возле дорожного сундука, уже держа в руках свой темно-коричневый плащ.

— У нас есть выездная ведомость, — сказала я. — В ней указаны карета, два сундука и одна служанка.

Тея замерла.

— Да?

— Если в экипаже будет больше людей, на воротах могут потребовать объяснений.

— Я могу спрятаться под вещами.

— Нет, — ответила я. — В закрытом сундуке вы задохнетесь или переломаете себе кости на первой яме. И если начнут обыскивать вещи, вас сразу найдут.

— Тогда...

— Поедете как моя сопровождающая.

Она посмотрела на Бессу.

Потом снова на меня.

— А она?

Вот тут я впервые почувствовала настоящий страх.

До этой секунды я рассуждала о том, как вывезти Тею. Теперь пришлось подумать о человеке, чье место она должна

была занять.

— Бесса, — сказала я, — ты можешь отказаться.

Она посмотрела на плащ.

— Могу.

— Я серьезно. Ты поедешь со мной, и мы попробуем найти другой способ. Или останешься в доме, но без участия в побеге.

— Другого способа быстро не будет.

— Тогда мы откажемся.

— Госпожа, позвольте мне самой решить.

Я замолчала.

Бесса положила плащ на кровать.

— Если уеду с вами, девушка останется здесь. Если попробуем вывезти обеих, нас задержат на воротах. А если я останусь, смогу хотя бы до ужина не дать им понять, что она исчезла.

— Как?

— Госпожа Вельмар отдыхает. Служанки знают, что ее нельзя тревожить без разрешения. Я скажу, что видела, как ей принесли чай, и попрошу не беспокоить. Потом отвлеку ту женщину из западного крыла на подготовку платья. У нас хватит времени выехать.

— А когда обнаружат, что Теи нет?

Бесса пожала плечами.

— Сначала начнут выяснять, кто последним видел ее. Потом проверят служебный проход. Возможно, спросят и меня.

— Они не просто спросят.

— Возможно.

— Северин может обвинить тебя в помощи при побеге.

— Может.

Я села.

— Нет. Не хочу оставлять тебя под его властью.

— А кто говорил, что я собираюсь оставаться? — спросила она. — Я могу попросить расчет и уехать завтра. Главное, чтобы сегодня меня не схватили за руку у кареты.

Тея смотрела на нее с таким выражением, будто не верила, что кто-то обсуждает риск ради нее настолько спокойно.

Бесса заметила этот взгляд.

— Я не обещаю, что мне не страшно, госпожа Вельмар. Мне очень страшно. И у меня нет желания становиться героиней чужой истории. Просто я видела, как из вашей комнаты убрали все лишние ключи. Не хочу однажды оказаться там сама.

Я поднялась.

— Я отправлю за тобой человека, как только смогу.

— Только не вздумайте возвращаться лично, если что-то случится.

— Бесса...

— Обещайте хотя бы, что сначала доберетесь до безопасного места.

Я не могла обещать ей безопасность.

Могла только принять решение и отвечать за него.

— Хорошо, — сказала я. — Но если Северин начнет тебя обвинять, требуй городского представителя. Не подписывай ничего без проверки.

Бесса коротко усмехнулась.

— Вы тоже сегодня ничего лишнего не подписали. Я запомнила.

Тея вытерла ладонью щеку.

— Я не знаю, как вас благодарить.

— Пока никак, — ответила Бесса. — Давайте лучше переоденемся.

Мы приступили к делу.

Тея сняла голубое платье и надела темную одежду Бессы. Юбка была немного широка, рукава пришлось подвернуть. Волосы девушка спрятала под плотный платок, сверху набросила дорожный плащ.

Она была выше Бессы, а лицо у нее слишком молодое.

Но если смотреть издалека, особенно с поднятым капюшоном, можно было принять одну за другую.

— Не поднимайте голову без необходимости, — сказала Бесса. — И не пытайтесь говорить моим голосом. Лучше молчите.

Тея кивнула.

— Вы ведь никогда не ездили в сопровождении госпожи Дорн? — спросила Бесса.

— Нет.

— Тогда и нечего изображать. Сидите внутри кареты, по-

ка хозяйка правит. Если попросят выйти, пусть она говорит первой.

Я достала выездную ведомость.

В списке значились два сундука, принадлежавшие мне личные вещи и сопровождающая служанка Бесса Лан.

Отдельно стояло разрешение на самостоятельное управление экипажем.

Северин уже подписал его.

Ему так хотелось поскорее избавиться от моего присутствия, что он собственноручно разрешил мой выезд.

— У вас есть какие-нибудь вещи? — спросила я Тею.

Она отрицательно покачала головой.

— Только это.

Из складок платья она достала маленький компас в латунном корпусе.

— Отцовский. Остальное не разрешили взять.

Я посмотрела на компас.

Стрелка дрожала, пока девушка держала его.

— Спрячьте в карман плаща.

— Мне понадобится карта.

— У меня есть дорожная тетрадь. Но сведения могут быть старыми.

— Я знаю дорогу до Старого перевоза.

— Вы там были?

— Дважды. Последний раз три года назад.

— Тогда поедем по основному тракту. Уже за городом ре-

шим, где свернуть.

Тея кивнула.

Я заметила, что она все еще смотрит на дверь.

— Что?

— Мне нужно закрыть проход. Если его найдут открытым, сразу начнут искать.

— Сумеете вернуться незамеченной?

— Да. Я оставила дверь в коридор приоткрытой. Нужно только вернуть ключ.

Бесса покачала головой.

— Ключ можете оставить у себя. Закройте служебную дверь со своей стороны, когда вернетесь в комнату. Я проведу вас по коридору к заднему выходу. Оттуда можно спуститься к хозяйственной лестнице.

— А охранник?

— Он стоит у главного входа в гостевые покои. Служебный проход за бельевой комнатой не виден.

Я вспомнила расположение коридоров.

Бесса была права.

Старый дом строили частями. Служебные ходы путались даже для прислуги, а люди охраны Северина появились здесь недавно. Они не знали всех помещений так, как мы.

— Тогда действуем так, — сказала я.

Мы еще раз обсудили последовательность.

Сначала управляющему сообщили, что мои вещи готовы к выезду. Два сундука должны были погрузить в задний ба-

гажник кареты.

Потом Бесса проверит, чтобы все выглядело обычно.

Тея выйдет к хозяйственной лестнице в ее одежде. Я буду ждать возле экипажа.

Когда мы уедем, Бесса вернется в западное крыло и постарается отсрочить обнаружение.

План был далеко не безупречным.

Он зависел от людей, которые могли в любую минуту заглянуть не туда, задать вопрос или заметить слишком молодое лицо под капюшоном.

Но лучшего у нас не было.

Я проверила часы.

До назначенного выезда оставалось меньше часа.

— У вас есть возможность передумать, — сказала я Тее.

— Нет.

— Я не предлагаю вам вернуться замуж. Только хочу, чтобы вы понимали: дорога будет опасной.

— Понимаю.

— Мне неизвестно, что произошло у вас в семье. Я не обещаю защищать вашего брата или поддерживать все ваши решения. Я помогу добраться до людей, которым вы доверяете. Дальше мы поговорим.

Тея кивнула.

— Согласна.

— И еще. Не лгите мне, если от этого зависит наша безопасность.

Она на мгновение отвела взгляд.

Потом ответила:

— Хорошо.

Тогда я не придала значения этому короткому колебанию.

Бесса отправилась к лестнице.

Перед уходом она подошла ко мне и неожиданно поправила воротник платья.

— Не забудьте поесть, госпожа.

— Бесса...

— Я серьезно. С утра вы выпили одну чашку чая. На пустой желудок далеко не уедете.

Она достала из кармана небольшой сверток.

Внутри оказались хлеб, сыр и сушеные груши.

— Из кухни, — объяснила она. — Груши ваши. Я забрала из шкафа, пока управляющий пересчитывал ключи.

Я смотрела на сверток и никак не могла придумать подходящий ответ.

— Спасибо, — сказала наконец.

— Поблагодарите, когда доберетесь.

Она крепко сжала мою ладонь.

Потом отпустила и направилась к двери.

Мы остались с Теей.

Она стояла возле дорожного сундука, стараясь не шевелиться.

— Вы ведь меня ненавидите? — спросила она.

Я посмотрела на нее.

— Сегодня утром ненавидела.

Она опустила голову.

— А сейчас?

Я подумала.

— Сейчас у меня слишком много других забот.

Тея слабо улыбнулась.

— Понятно.

— И не надо благодарить меня каждую минуту. Это только привлечет внимание.

— Хорошо.

Я взяла дорожную сумку.

— Пойдемте.

К тому времени, когда мы спустились во двор, дождь почти закончился.

Под навесом стояла моя карета. Два сундука уже закрепили сзади. Рута нетерпеливо била копытом, Грач потянул повод и начал жевать кожаный ремешок упряжи.

— Грач, оставь, — сказала я.

Мерин поднял голову.

Конюх, державший его под уздцы, улыбнулся.

— Давно он вашего голоса не слышал, госпожа.

— И я его давно не слышала.

Он помог мне поставить дорожную сумку рядом с сиденьем.

Тея шла позади, опустив голову.

Плащ Бессы закрывал ее почти до сапог. Она несла пу-

стую корзину, как мы условились. Служанка, сопровождающая хозяйку, вполне могла взять ее для продуктов в дорогу.

Конюх взглянул на нее, но ничего не сказал.

Я почувствовала облегчение.

Первое препятствие осталось позади.

Однако до ворот было еще далеко.

— Госпожа Эрт, — окликнул управляющий.

Я обернулась.

Он спешил к карете, держа в руке узкую папку.

Тея остановилась в двух шагах от меня.

— Что случилось?

— Прошу прощения. Господин Дорн просил передать вам еще один документ.

Я нехотя взяла бумагу.

Это был перечень вещей, которые я не имела права вывозить.

Столовое серебро. Семейные драгоценности Дорнов. Хозяйственные книги. Документы, относящиеся к службе Северина.

И отдельно, на последней строке, любые вещи, переданные дому на временное хранение.

— Что именно имеется в виду? — спросила я.

Управляющий смутился.

— Обычная формулировка.

— Тогда прошу уточнить.

— Госпожа, я не уполномочен...

— Вы составляли список?

— По распоряжению господина Дорна.

Я посмотрела на последнюю строку.

Слова можно было истолковать как угодно.

В том числе обвинить меня в том, что я увезла чью-то вещь.

Или документ.

Или человека, которого Северин считал находящимся под его защитой.

Я даже не знала, почему эта мысль пришла мне именно тогда.

— Я не вывожу ничего, кроме личного имущества, — сказала я. — Оба сундука собраны при ваших людях. Можете еще раз проверить печати.

Он покачал головой.

— Это не требуется.

— Прекрасно.

Я сложила лист и убрала в карман.

— Тогда разрешите нам отправиться.

Управляющий отступил.

Но не уходил.

— Вы уверены, что вам не нужен кучер? — спросил он.

Я посмотрела на карету.

— Уверена.

— Дорога после дождя тяжелая.

— Я видела.

— Господин Дорн велел...

— Я больше не жена господина Дорна. Если ему понадобится мой кучер, пусть сначала спросит меня.

Конюх отвернулся, пряча улыбку.

Управляющий покраснел.

— Конечно. Счастливого пути, госпожа Эрт.

Я поднялась на козлы.

Сиденье оказалось жестче, чем я помнила. Кожа под руками была слегка влажной. Пришлось поправить край плаща, чтобы не зацепить ремни.

— Бесса, садись, — сказала я достаточно громко.

Тея быстро подошла к дверце кареты.

Конюх помог ей открыть.

Она забралась внутрь и закрыла дверь.

Я взяла поводья.

Сердце колотилось так, что хотелось посмотреть на грудь, не видно ли этого сквозь платье.

Но я заставила себя проверить крепления.

Левый постромок был закреплен правильно. Правый тоже. Грач стоял ровно, хотя уши показывали, что ему не терпится отправиться.

— Хорошие лошади, — сказал конюх.

— Постараюсь не испортить.

Он рассмеялся.

Я тронула поводья.

Карета медленно выехала из-под навеса.

Колеса стукнули по мокрым плитам двора. Рута пошла первой, привычно выбрав ровное место между лужами. Грач потянул немного сильнее, и мне пришлось сдержать его.

Мы проехали мимо кухни.

У двери стояли две служанки с корзинами белья. Одна помахала мне рукой.

Я ответила коротким кивком.

Мимо оранжереи, которую когда-то сама велела построить для зимних цветов.

Мимо длинной конюшни.

Мимо парадного входа.

Там уже закрепили свадебный навес. Светлая ткань колыхалась на ветру. На верхних ступенях стояли два молодых лакея и спорили о размещении фонарей.

Через пять дней сюда должна была приехать новая жена Северина.

Если наш план удастся, она никогда не войдет в дом через этот вход в свадебном платье.

Я почти улыбнулась.

Но впереди показались ворота.

Возле них стояли двое охранников.

Один проверял ведомости прибывающих поставщиков. Второй разговаривал с возчиком небольшой телеги.

Когда карета приблизилась, первый поднял руку.

— Остановитесь.

Я натянула поводья.

Рута послушно замедлила шаг. Грач мотнул головой.

— Добрый день, госпожа, — сказал охранник.

— Добрый.

— Выезд из дома?

— Да.

Он подошел ближе.

— Прошу разрешение.

Я передала ему ведомость.

Он развернул лист и начал читать.

Я смотрела на его лицо.

Молодой, с рыжеватыми усами. Я видела его всего дважды. Вероятно, Северин нанял дополнительную охрану к свадьбе.

С одной стороны, это было удобно. Он вряд ли хорошо знал Бессу.

С другой — новый человек мог гораздо тщательнее выполнять инструкции.

— Карета ваша? — спросил он.

— Да.

— Два сундука?

— Два.

Он заглянул за экипаж.

Потом посмотрел на закрытую дверцу.

— Сопровождающая служанка?

— Внутри.

— Бесса Лан?

— Она.

Охранник кивнул.

Уже собирался вернуть бумагу, но второй мужчина окликнул его:

— Проверь еще, что в карете нет других пассажиров.

Я почувствовала, как напряглась спина.

Рыжеусый охранник обошел экипаж.

Подошел к дверце.

Постучал костяшками пальцев.

— Госпожа, откройте, пожалуйста.

Я не успела ответить.

Дверца приоткрылась.

Внутри сидела Тея.

Капюшон закрывал волосы и часть лица. На коленях лежала корзина. Она повернула голову к охраннику, но не подняла взгляд.

Я видела только край ее щеки.

— Одна? — спросил мужчина.

Я наклонилась вперед.

— Разве вы не видите?

Он обернулся ко мне.

— Порядок проверки, госпожа.

— Разумеется. Проверяйте.

Охранник заглянул внутрь, убедился, что за спинкой сиденья никто не спрятан, и выпрямился.

— Хорошо.

Тея закрыла дверь.

Я медленно выдохнула.

Охранник вернулся к воротам.

Второй мужчина все еще наблюдал за нами.

— Госпожа Дорн, — сказал он, — разве ваш супруг не приказал выезд до вечернего часа?

— Приказал, — ответила я. — Поэтому и выезжаю.

— А куда направляетесь?

Я посмотрела на него.

— Это требуется указать в ведомости?

— Нет, госпожа.

— Тогда не вижу причины задерживаться.

Он пожал плечами и отошел к воротному механизму.

Рыжеусый снова изучил бумагу.

— Здесь подпись господина Дорна. Все в порядке.

Он протянул ведомость.

Я взяла ее.

— Спасибо.

Ворота начали открываться.

Сначала одна створка, потом другая.

За ними виднелась мокрая дорога, уводившая вниз от холма. По обочинам росли старые липы. На повороте стоял каменный столб с указателем до городской площади.

Я тысячу раз проезжала здесь в экипаже Северина.

Иногда возвращалась с покупками. Иногда ехала к портнихе или на встречу с женами его сослуживцев.

Обычно кто-нибудь другой решал, когда мне выехать и когда вернуться.

Сегодня поводья находились у меня в руках.

— Счастливого пути, госпожа, — произнес охранник.

Я кивнула.

Рута двинулась первой.

Грач пошел следом.

Карета медленно пересекла линию ворот.

Я не позволяла себе оглядываться.

Еще слишком рано.

До конца подъездной дороги мы ехали обычным шагом. Потом я прибавила ходу, но не стала гнать лошадей. После дождя колеса могли увязнуть в размокшей обочине, а на поворотах дорога была скользкой.

Из кареты не доносилось ни звука.

Я представила, как Тея сидит внутри, стиснув руки, и прислушивается к каждому скрипу.

У меня самой онемели пальцы.

Первые дома столицы показались за поворотом. Возле пекарни пахло горячим хлебом, у мостовой спорили торговцы. Никто не обращал на нас внимания.

Обычная карета.

Две лошади.

Женщина на козлах.

Служанка внутри.

В таком большом городе каждый день уезжали и приезжа-

ли сотни людей.

Я старалась не смотреть на высокие башни дозоров. Над столицей полеты драконов контролировали особенно строго. На крышах башен виднелись тяжелые противодраконьи установки, рядом дежурили наблюдатели.

Северин, конечно, не мог просто подняться в небо и начать охоту над центральными улицами.

Но у него хватало людей на земле.

Мы добрались до торговой площади.

Я остановилась у колодца, где обычно поили лошадей, и обернулась к дверце.

— Тея?

Изнутри послышалось движение.

— Да.

— Все хорошо?

Она помолчала.

— Я думала, они заставят меня снять капюшон.

— Я тоже.

— У меня лицо совсем не похоже на лицо Бессы.

— Особенно когда вы так испуганно на всех смотрите.

Она открыла дверцу на несколько пальцев.

— Простите.

— За что?

— За то, что заставила вас рисковать.

Я помолчала.

— Вы просили. Решение приняла я.

— Все равно...

— Сейчас лучше подумайте, не осталось ли у вас чего-нибудь, по чему смогут определить дорогу.

Она задумалась.

— Нет.

— Ключ?

— Со мной.

— Компас?

— Тоже.

— Письма, документы?

— Ничего. Мне не позволяли их хранить.

Я кивнула.

— Тогда поедем.

До северного выезда было еще около часа пути.

На центральных улицах мы ехали среди других повозок. Я не хотела привлекать внимание спешкой.

Несколько раз Тея осторожно выглядывала в окно, но по моей просьбе опускала занавеску.

Лошади шли спокойно. Грач перестал тянуть повод, Рута привыкла к моей руке.

С каждым кварталом дышать становилось немного легче.

На последней городской площади стоял рынок. Я купила у торговца мешочек овса, расплатившись из мелких монет, которые давно лежали в дорожной сумке. Половину оставила на вечер, остальное дала лошадям в кормушке возле водопоя.

Пока они ели, я заглянула внутрь кареты.

Тея сидела на самом краю сиденья, не сняв плаща.

— Можете откинуть капюшон, — сказала я.

Она осторожно открыла волосы.

На виске осталась красная полоска от туго завязанного платка.

— Вы голодны?

— Не очень.

— А я очень. Поэтому все равно собираюсь поесть.

Я достала сверток Бессы.

Разделила хлеб и сыр на две части.

Тея сначала отказалась.

— Не надо.

— Если не поедите сейчас, через час начнет кружиться голова. Мы можем провести в дороге всю ночь.

Она взяла хлеб.

— Спасибо.

Мы ели молча.

После нескольких минут Тея осторожно спросила:

— Вы правда не знали обо мне?

— Имя услышала сегодня утром.

— Он говорил, что вы согласились.

Я перестала жевать.

— На что?

— На развод. На то, что он женится снова. Что между вами уже давно ничего нет.

Я посмотрела на мокрую мостовую.

— На развод у меня никто не спрашивал согласия. Я знала, что решение вступит в силу сегодня. Но о свадьбе мне сообщили за завтраком.

Тея поморщилась.

— Я думала, вы знаете.

— Теперь знаете вы.

Она отвернулась к окну.

Некоторое время мы ели в тишине.

Потом девушка сказала:

— Мне казалось, что у вас здесь хорошая жизнь.

Я подумала о просторных комнатах, дорогих платьях и огромном доме, в котором нужно было заранее спрашивать разрешения на визит собственной сестры.

— Со стороны так и выглядело.

— Я бы не хотела жить в таком доме, — сказала Тея.

— Раньше я тоже так говорила.

Она повернулась ко мне.

— Что изменилось?

Я некоторое время подбирала ответ.

— Я решила, что мне очень повезло с мужем. А когда что-нибудь начинало меня не устраивать, думала, что просто недостаточно стараюсь.

Тея посмотрела на недоеденный кусок хлеба.

— И он все равно развелся?

— Да.

— Значит, дело было не в том, сколько вы старались.

Я неожиданно рассмеялась.

Тея растерялась.

— Я сказала что-то смешное?

— Нет. Просто мне самой потребовалось двенадцать лет, чтобы услышать эту мысль.

Я убрала остатки еды.

Лошади закончили есть, и пора было выезжать.

Северный тракт начинался за воротами столицы. Дальше лежали деревни, постоялые дворы, небольшие леса и развилки, часть которых я помнила только по отцовской тетради.

Перед самым выездом из города я оглянулась.

На горизонте виднелись башни дома Северина.

Отсюда они казались маленькими.

Я вдруг подумала о Бессе.

Сейчас она, вероятно, ходила по коридорам, придумывая, чем задержать слуг. Возможно, старалась выглядеть спокойной. Или уже собирала собственные вещи в надежде, что завтра сможет уйти.

Я не знала, что произойдет, когда обнаружат исчезновение Теи.

Но понимала, что Бесса окажется первой, у кого станут спрашивать.

Мы оставили ее там.

И хотя она сама приняла решение, легче от этого не становилось.

— Ливия? — позвала Тея.

Я обернулась.

Она выглядывала из дверцы.

— Вы знаете, что делать, если нас начнут преследовать?

Я посмотрела на дорогу.

— Сначала нужно сделать так, чтобы нас не нашли слишком быстро.

— А потом?

— Потом добраться до ваших людей.

Она кивнула.

Но не закрыла дверцу.

— Мне надо кое-что сказать.

Я насторожилась.

— Говорите.

Тея провела рукой по волосам.

— На Старом перевозе есть человек, который поможет нам связаться с моей семьей. Я знаю, как его найти.

— Вы уже говорили.

— Да, но я не все объяснила.

Я медленно положила поводья на колени.

— Что именно?

Она посмотрела на дорогу позади нас.

— Я не сказала, кто должен за мной приехать.

Мне не понравился ее тон.

— И кто же?

Тея замялась.

— Мой брат.

Я вспомнила рассказ Северина о семье Вельмаров.

— У вас есть брат?

— Да.

— Имя?

Она набрала воздух.

— Радан Вельмар.

Я долго смотрела на нее.

Это имя было известно почти каждому в столице.

Бывший командующий Кернским гарнизоном. Дракон, обвиненный в том, что семь месяцев назад приказал вывести стражу с пограничного прохода. После этого через проход ворвались вооруженные люди, разграбили склад и напали на обоз. Среди погибших был его собственный отец.

Северин неоднократно рассказывал об этом деле.

Говорил, что Радан пожертвовал своими людьми ради выгоды и сумел скрыться до ареста.

Его разыскивали.

— Вы имеете в виду того самого Радана Вельмара? — спросила я.

Тея кивнула.

— Да.

— Которого обвиняют в измене?

— Да.

— И он должен встретить нас?

— Не здесь. Сначала мы доберемся до его связного.

Я закрыла глаза.

Не надолго. Просто хотела удержаться от первого ответа, который пришел мне в голову.

Потом снова посмотрела на девушку.

— Почему вы не сказали об этом в доме?

Она опустила голову.

— Боялась, что вы откажете.

— И правильно боялись.

— Ливия...

— Нет, подождите. Вы попросили вывезти вас из дома человека, с которым я только что развелась. Я согласилась, потому что видела, как с вами обращаются. Но теперь выясняется, что дальше мы должны искать разыскиваемого дракона, которого мой бывший муж считает предателем.

— Северин не просто считает его предателем.

Я нахмурилась.

— Что это значит?

— Он добивался его ареста.

Я почувствовала, как остатки спокойствия покидают меня.

— Прекрасно.

Тея виновато посмотрела на меня.

— Я понимаю, что должна была сказать.

— Должны были.

— Простите.

Я не ответила.

Где-то за деревьями раздался крик птицы.

В нескольких шагах от кареты тянулась дорога на север. Позади оставалась столица.

Можно было повернуть обратно. Найти представителя городской стражи. Объяснить, что девушка уехала добровольно, и потребовать защиты.

Но что будет с Теей до тех пор, пока кто-нибудь согласится разобраться?

И почему-то я совершенно не верила, что Северин спокойно признает собственную ошибку.

— Вы уверены, что ваш брат жив? — спросила я.

— Да.

— Вы лично с ним связывались?

— Не напрямую. Его человек передал мне сообщение. Там было то, что могли знать только мы.

— Когда?

— Три дня назад.

— И где этот человек сейчас?

— На Старом перевозе. Или сможет отправить весть туда, где нас примут.

— Он знает, что вы едете?

— Нет. Я должна была дождаться свадьбы. Брат собирался помочь мне во время переезда.

Я недоверчиво посмотрела на нее.

— То есть вы сами изменили план?

— Да.

— Потому что увидели мой отъезд?

Она кивнула.

— Я поняла, что другого шанса может не быть.

Это было не самое глупое решение.

Но ей следовало предупредить меня.

Я посмотрела на лошадей.

Рута стояла спокойно. Грач опять пытался жевать ремень.

До темноты оставалось немного.

Если мы продолжим ехать по главной дороге, нас смогут найти. Если свернем на малый тракт, можно потерять время или увязнуть после дождя.

Отцовская тетрадь лежала рядом.

Я открыла ее на нужной странице.

Путь к Старому перевозу был отмечен чернилами, выцветшими от времени.

Раньше дорога занимала чуть больше суток с остановками. Но тогда я знала состояние каждой переправы и ездила не одна.

Сейчас рядом со мной находилась женщина, которую искал влиятельный дракон.

А впереди нас ждал ее брат, обвиненный в измене.

Я закрыла тетрадь.

— Послушайте меня внимательно, Тея.

Она выпрямилась.

— Слушаю.

— Пока мы едем вместе, никаких новых сюрпризов. Если

знаете что-нибудь важное, говорите сразу. Даже если думаете, что мне не понравится.

— Хорошо.

— Ваш брат может оказаться опасным человеком. Я не собираюсь доверять ему только потому, что он ваш родственник.

— Я понимаю.

— И если он захочет решать за меня, куда ехать и что делать, мы очень быстро поссоримся.

На этот раз Тея неожиданно улыбнулась.

— Он умеет спорить.

— Я тоже.

— Я уже заметила.

Я взяла поводья.

Несколько мгновений смотрела на дорогу, прежде чем тронуть лошадей.

Мне хотелось верить, что я просто помогла человеку выбраться из запертой комнаты. Что все закончится на ближайшей станции, где мы расстанемся и каждая отправится своей дорогой.

Но Тея знала больше, чем сказала сначала.

Северин, вероятно, уже готовил свою свадьбу, не подозревая, что невесты в доме больше нет.

А я, его бывшая жена, направлялась навстречу человеку, которого он называл одним из самых опасных драконов королевства.

— Ливия, — тихо позвала Тея из кареты.

— Что еще?

— Вы не жалеете, что взяли меня?

Я посмотрела на темнеющее небо.

Потом на дорогу.

— Спросите завтра.

Она ничего не ответила.

Я поправила поводья и повела лошадей к северному тракту.

До Старого перевоза оставалось еще много миль.

Глава 2. Брат его невесты

Первую остановку мы сделали далеко за полночь.

Я свернула с тракта к заброшенному дорожному навесу, где когда-то меняли лошадей. От станции остались каменные столбы, колодец и длинная крыша над кормушками. Дверей уже не было, зато под навесом сохранилось сухое место.

Рута остановилась сама и опустила голову.

Грач попытался пройти еще несколько шагов, но я удержала поводья.

— Приехали? — спросила Тея из кареты.

— Пока нет. Лошадям нужно отдохнуть.

Я спустилась с козел и только тогда почувствовала, насколько затекли ноги. После долгих лет в мягких экипажах я успела забыть, что управление парой лошадей требует не только умения, но и привычки.

Левая ладонь побаливала. На указательном пальце натерло кожу.

Я сняла перчатку, осмотрела небольшую ссадину и решила, что переживу.

Тея выбралась из кареты.

— Я могу помочь?

— Можете принести воду, если колодец исправен.

Она направилась к каменному кругу.

Я проверила крепления упряжи, ослабила подпруги и достала из дорожного отделения остатки овса. Рута жадно потянулась к мешочку.

— Подожди, красавица. Сначала воды.

Кобыла недовольно фыркнула.

Тея вернулась с пустым ведром.

— Там нет веревки.

— Посмотрите возле опоры.

— Я смотрела.

Пришлось оставить лошадей и подойти самой.

Веревка действительно исчезла. Вместе с большей частью воротного устройства.

Я заглянула в колодец. Вода была, но до нее оставалось несколько человеческих ростов.

— Придется воспользоваться нашей, — сказала я.

В карете лежали две кожаные фляги, наполненные еще в столице. Для людей хватило бы надолго. Для лошадей — на несколько глотков.

— А дальше? — спросила Тея.

— Через пару миль должна быть речка. Там и напоим.

Она посмотрела на темную дорогу.

— Вы уверены?

— В том, что речка существовала двенадцать лет назад, совершенно уверена.

Тея промолчала.

Я понимала ее сомнение.

С тех пор как мы оставили столицу, она почти не задавала вопросов о маршруте. Сидела внутри, иногда отодвигала занавеску и смотрела назад.

Один раз спросила, не могут ли нас найти с воздуха.

Я объяснила, что над столицей и основными дорогами полеты драконов контролируют дозорные башни. А за пределами охраняемых участков нас, конечно, могут заметить, если станут искать достаточно тщательно.

Особенно днем.

Ночью над мокрым трактом стоял низкий туман. Он мешал видеть дорогу, но одновременно укрывал небольшую карету от взгляда сверху.

Северин вряд ли сам отправился бы в погоню до утра. Однако у него было достаточно людей, чтобы поручить дело другим.

— Мне можно что-нибудь сделать с лошадьми? — спросила Тея.

— Держите Руту за недоуздок, пока я осмотрю копыта.

Она послушно подошла к кобыле.

Рута повернула голову и принялась обнюхивать ее рукав.

— Она меня укусит?

— Если будете держать ладонь перед мордой и пахнуть овсом, вполне может попробовать.

Тея немедленно спрятала руку.

Я не удержалась от улыбки.

— Просто стойте сбоку. Она спокойная.

Пока я проверяла копыта, девушка следила за каждым движением.

— Вас действительно отец учил ездить с обозами?

— Да.

— Господин Дорн говорил, что вы почти не покидаете дом.

— Последние годы так и было.

— Но раньше...

— Раньше я занималась многими вещами.

Я опустила ногу Руты.

— Держите крепче. Сейчас она решит, что работа закончена.

Кобыла действительно попыталась отойти к кормушке.

Тея ухватилась за недоуздок обеими руками.

— Рута, стой!

Та остановилась, посмотрела на нее и с достоинством отвернула голову.

— Кажется, она меня не слушается.

— Слушается. Просто проверяет, насколько вы настойчивая.

— Как мой брат.

Я подняла глаза.

Тея сразу смутилась.

С момента нашего разговора у северных ворот она больше не упоминала Радана. Я тоже молчала.

Ни одна из нас не забыла, к кому направлялась карета.

— Ваш брат тоже кусается? — спросила я.

Тея неожиданно рассмеялась.

— Нет. Но иногда очень хочется его укусить.

Я усмехнулась.

— Тогда у вас сложные отношения.

— Обычные. Он считает, что знает все на свете.

— А вы?

— Я знаю, что это неправда.

Она произнесла последние слова с такой убежденностью, что я впервые увидела в ней не испуганную невесту Северина, а человека, способного с удовольствием спорить.

Возможно, с братом они действительно были близки.

Но это еще не означало, что ему можно доверять.

Я раздала лошадям корм и уселась на низкий каменный бортик.

Тея опустилась рядом.

Некоторое время мы молча жевали сухой хлеб.

Я оставила последние две сушеные груши на потом. Небольшой запас, собранный Бессой, уже почти закончился.

При мысли о ней захотелось немедленно повернуть карету обратно.

Я представила, как в доме обнаружили пропажу невесты.

Кто первым заглянул в пустую комнату? Как отреагировал управляющий, когда выяснилось, что служебный ключ исчез? Успела ли Бесса уйти из западного крыла прежде, чем

начали задавать вопросы?

Я не знала.

И самое неприятное заключалось в том, что пока ничего не могла сделать.

— Вы думаете о своей служанке? — спросила Тея.

— Да.

— Мне очень жаль.

— Мне тоже.

Тея обхватила колени.

— Когда доберемся до своих, я попрошу помочь ей.

Я посмотрела на девушку.

— Не обещайте того, чего не можете гарантировать.

Она подняла голову.

— Но я могу попросить.

— Просить можно. Просто не говорите, что все обязательно будет хорошо.

Тея немного помолчала.

— Вы правы.

Я доела хлеб.

— Отдыхайте. Через час продолжим.

— А вы?

— Посижу с лошадьми.

— Вы тоже устали.

— Устала.

— Тогда почему не ложитесь?

Я хотела ответить, что должна следить за упряжью, доро-

гой, временем и безопасностью.

Но лошади спокойно жевали овес. Ничего подозрительного вокруг не происходило. Тея вполне могла разбудить меня, если кто-нибудь появится.

— Хороший вопрос, — признала я.

Она сдвинулась, освобождая мне место.

Я свернула плащ и подложила под голову.

Камень был неудобным, крыша поскрипывала от ветра, а за спиной лежала дорога, по которой нас могли преследовать.

И все-таки я закрыла глаза.

Тея осталась сидеть рядом.

Когда я проснулась, небо на востоке начало сереть.

Девушка дремала, прислонившись к столбу. На ее коленях лежал маленький компас.

Рута и Грач стояли спокойно.

Я поднялась, размяла шею и осторожно разбудила спутницу.

— Пора.

Тея открыла глаза.

— Уже утро?

— Почти.

— Я хотела посидеть на страже.

— Вы и посидели.

Она огляделась.

— Кажется, я уснула.

— Не вы одна.

Мы напоили лошадей остатками воды, проверили колеса и снова отправились в путь.

Теперь дорогу было видно гораздо лучше.

По сторонам тянулись мокрые поля, невысокие перелески и редкие крестьянские дворы. Осенняя листва еще держалась на деревьях, но кое-где земля уже была покрыта желтыми листьями.

Впереди показался указатель.

Я остановила карету и развернула отцовскую тетрадь.

До Старого перевоза существовало два пути.

Первый шел по широкому королевскому тракту. Он огибал большой речной рукав, проходил через несколько деревень и возвращался к северной дороге.

Второй был короче почти на три часа. Отец обычно выбирал его в хорошую погоду.

Нужно было свернуть налево, доехать до Ольхового рукава и переправиться по старому мосту.

Я посмотрела на небо.

Дождь закончился. Земля оставалась влажной, но дорога выглядела вполне проезжей.

— Какой путь быстрее? — спросила Тея.

Я показала ей страницу.

— Здесь есть короткая дорога через старую переправу.

Она наклонилась.

— Почему тогда указатель ведет всех направо?

— Потому что справа королевский тракт. По нему ходят большие обозы. Короткой дорогой пользовались местные.

Тея посмотрела на рисунок.

— Вы там ездили?

— Много раз.

— Давно?

Я не сразу ответила.

— Достаточно давно.

Она повернула компас, сверяясь с направлением.

— Нам нужно как можно быстрее оказаться на станции.

— Знаю.

Я убрала тетрадь.

— Попробуем короткий путь.

Тея кивнула.

Мы свернули налево.

Сначала все шло хорошо.

Дорога оказалась уже, чем я помнила, но сохранила твердый слой гравия. Между деревьями виднелись следы телег. На одном из поворотов мы встретили старика с вязанкой хвороста. Он посторонился, пропуская карету, и пожелал доброго утра.

Я даже почувствовала некоторое удовлетворение.

Вопреки двенадцати годам домашней жизни, я еще не окончательно разучилась находить дорогу.

Но после следующего поворота гравий закончился.

Началась глубокая колея.

Грач ступил в размокшую землю и сразу недовольно дернул повод.

Я придержала лошадей.

— Дальше должно быть лучше, — сказала я больше себе, чем Тее.

Карета медленно двинулась вперед.

Через несколько сотен шагов деревья расступились.

Впереди открылся Ольховый рукав.

Моста не было.

Вернее, от него остались две каменные опоры, несколько торчащих из воды свай и старая дорога, упиравшаяся в пустоту.

На другом берегу стояли козлы для распиловки досок. Рядом валялись прогнившие бревна.

Я натянула поводья.

Рута остановилась.

Тея выглянула из кареты.

— Что случилось?

Я смотрела на противоположный берег.

— Переправу разобрали.

— Совсем?

— Как видите.

Она выбралась наружу.

Подошла к краю дороги, посмотрела вниз.

Вода была мутной, быстрой. После ночного дождя течение усилилось.

— Может быть, рядом есть брод?

— Если бы здесь был удобный брод, отец не строил бы планы через мост.

Я спустилась с козел.

За двенадцать лет мост действительно мог обветшать. Его могли перенести или закрыть. Но почему никто не поставил предупреждающий знак на развилке?

Я подошла к каменной опоре.

На ней висела доска, покрытая грязью.

Надпись почти стерлась.

«Проезд закрыт».

Ниже кто-то нацарапал дату.

Четыре года назад.

Я выпрямилась.

— Прекрасно.

Тея посмотрела на меня.

— Что будем делать?

— Возвращаться.

— По той же дороге?

— Если не хотите переплывать вместе с каретой, да.

Она покачала головой.

— Не хочу.

Я попыталась развернуть экипаж.

Места между деревьями оказалось недостаточно. Пришлось отступать по узкой дороге задним ходом до расширения возле старого склада.

Грач терпеть не мог пятиться с тяжестью за спиной. Рута слушалась лучше, но дважды сбивалась с направления.

После третьей попытки я спрыгнула на землю.

— Тея, придержите Грача.

— Вот так?

— Не за удила. Возьмитесь за недоуздок. Если потянет вперед, просто удержите на месте.

Девушка подошла к мерину.

Я проверила заднее колесо.

Оно уже погрузилось в жидкую грязь почти до нижней спицы.

Пришлось подложить под него несколько досок, оставшихся от старого настила.

Одну доску я вытаскивала так долго, что порвала край перчатки.

Когда наконец удалось выехать на расширение и развернуться, солнце поднялось над деревьями.

Я присела на ступеньку кареты.

Тея стояла рядом.

— Мы потеряли много времени? — спросила она.

— Почти три часа, если считать обратную дорогу.

— Это очень плохо?

— Да.

Я посмотрела на грязные колеса.

— И виновата в этом я.

Тея присела рядом.

— Вы не могли знать, что мост разобрали.

— Могла предположить, что старая дорога за двенадцать лет изменилась.

— Но по ней ездили люди.

— Местные. Они знали, куда сворачивать дальше.

Я вытерла руки влажной тряпкой.

— Хотела срезать путь. Получилось наоборот.

Тея некоторое время молчала.

Потом достала компас.

— На развилке я заметила еще одну дорогу. Она шла вдоль поля. Возможно, это новый объезд.

— Возможно.

— Но мы не знаем, куда он ведет.

— Вот именно.

Она закрыла компас.

— Тогда поедем по королевскому тракту.

Я посмотрела на нее.

— Вам не хочется сказать, что я ошиблась?

— Вы уже сами это сказали.

— И все?

Тея пожала плечами.

— Мой брат однажды повел нас через горную тропу, потому что считал ее безопаснее основной дороги. Мы застряли под дождем и вернулись только к вечеру. Он потом неделю слушал, как я об этом рассказываю.

— Что он ответил?

— Что в следующий раз я сама буду выбирать тропу.

— Вы выбрали?

— Да.

— Удачно?

— Нет. Но хотя бы не пришлось спорить, кто виноват.

Я рассмеялась.

Смех вышел неожиданно легким.

Тея тоже улыбнулась.

Потом посмотрела на лошадей.

— Им нужен отдых?

— После такой дороги обязательно.

Мы дали Руте и Грачу постоять, проверили копыта и ремни.

Одна доска оставила на колесе длинную царапину, но повреждений, мешающих движению, я не нашла.

Когда мы снова тронулись, я выбрала широкий тракт.

На этот раз без попыток сокращать дорогу.

Возле развилки встретили дорожный патруль.

Трое всадников в темно-синих плащах медленно ехали навстречу. На груди у старшего блестел знак королевской стражи. За его седлом был закреплен длинный футляр, из которого торчали металлические дуги.

Я узнала их не сразу.

Стражные обручи.

Их надевали на задержанных драконов после того, как те возвращались в человеческую форму. Устройство мешало

повторному обращению, пока стражники не снимали запор.

Северин однажды показывал подобный обруч во время приема офицеров.

Тогда он говорил о необходимости строгого порядка на дорогах.

Теперь я увидела несколько таких приспособлений у обычного патруля и впервые подумала, сколько людей вообще приходилось удерживать подобным способом.

Старший всадник поднял руку в знак приветствия.

Я ответила.

Тея быстро опустила занавеску.

Патруль проехал мимо, не останавливаясь.

Я дождалась, пока стук копыт стихнет.

Только после этого девушка снова выглянула.

— Они нас не узнали?

— Не похоже.

— Вы видели обручи?

— Да.

Тея помрачнела.

— Радан рассказывал, что их используют при арестах военных драконов.

— Северин тоже рассказывал.

— И что говорил?

— Что законные ограничения необходимы, когда человек опасен.

— А вы с ним соглашались?

Я подумала.

— Тогда не видела причин спорить.

— А сейчас?

— Сейчас мне хотелось бы сначала узнать, в чем человека обвиняют и кто это доказал.

Тея медленно кивнула.

После этого мы некоторое время ехали молча.

Старый перевоз показался ближе к полудню.

Название сохранилось с тех времен, когда через реку здесь ходили тяжелые плоскодонные суда. Теперь над водой стоял каменный мост, а бывшая перевозная станция превратилась в почтовый двор с конюшней, небольшим трактиром и несколькими комнатами для ночлега.

На вывеске под крышей был нарисован серый конь.

Я остановила карету на дороге, не доезжая до ворот.

— Это место? — спросила я.

Тея выглянула наружу.

— Да.

— Вы уверены?

— Узнаю вывеску. И колодец возле входа.

Я внимательно осмотрела двор.

Две телеги стояли возле сарая. У кормушки жевали сено три чужие лошади. Под навесом сидел мужчина в сером жилете и чистил сапог.

Ничего подозрительного.

И все-таки я не торопилась въезжать.

— Как вы узнаете связного? — спросила я.

Тея достала компас.

— Мне передали условную фразу. Ее нужно сказать хозяину станции.

— А если хозяин служит Северину?

— Он много лет помогал нашей семье.

— Это не ответ.

Она опустила взгляд.

— Другого человека я не знаю.

Я помолчала.

Мы действительно оказались в положении, когда приходилось доверять чужим рекомендациям.

Но можно было хотя бы не делать этого бездумно.

— Тогда сначала я попрошу комнату и место для лошадей, — решила я. — А вы поговорите с хозяином. Если что-нибудь покажется странным, ничего больше не сообщайте.

— Хорошо.

Мы въехали во двор.

Мужчина в сером жилете поднялся с лавки.

— Ночлег? — спросил он.

— Пока только отдых для лошадей и еда, — ответила я. — Возможно, останемся до вечера.

Он посмотрел на колеса.

— По грязи ездили?

— Пытались воспользоваться старой переправой через Ольховый рукав.

Мужчина понимающе хмыкнул.

— Мост разобрали давно. Четвертый год стоит одна опора. Вы не первые, кто туда свернул.

— Хорошо бы поставить предупреждение на развилке.

— Ставили. Доски каждую весну пропадают. Там деревенские ребята их на дрова растаскивают.

Я посмотрела на него.

— На дрова?

Он пожал плечами.

— У нас и такое бывает.

Я вздохнула.

— Значит, мне еще повезло, что мы не сломали колесо.

— Это уж точно.

Он подозвал мальчика из конюшни.

Тот подошел принять лошадей.

Я попросила сначала дать им воды, потом корма, и только после отдыха снять часть упряжи.

Мужчина внимательно выслушал распоряжения.

— Сразу видно, сами ездите.

— Иногда.

— Обычно такие кареты с кучерами прибывают.

— Сегодня пришлось без него.

Он не стал расспрашивать.

За небольшой залой трактира располагались комнаты для гостей. Деревянный пол недавно вымыли, от кухни пахло мясным бульоном и печеным луком.

Я попросила отдельную комнату на двоих.

Мужчина назвал цену.

Пришлось достать серебряную марку и разменять ее на медные монеты. После оплаты комнаты, еды и ухода за лошадьми у меня осталось сорок семь целых марок и немного мелочи.

Я пересчитала сдачу дважды.

Тея заметила.

— У вас мало денег?

— На некоторое время хватит.

— Я смогу вернуть вам расходы, когда найду брата.

— Посмотрим.

Я не собиралась обещать, что стану жить на деньги чужого мужчины.

Но и отказываться от возмещения дорожных расходов только ради гордости было глупо.

В зале никого не оказалось, кроме пожилой женщины за дальним столом.

Мы с Теей сели возле окна.

Хозяин принес воду и деревянные кружки.

Тея дождалась, пока он поставит поднос.

— Скажите, пожалуйста, — начала она, — у вас найдется овес для старого серого коня?

Мужчина остановился.

Посмотрел на нее.

Затем медленно произнес:

— Серому коню понадобится сухая подстилка. Северный ветер нынче холодный.

Тея заметно расслабилась.

— У него есть хозяин, который должен узнать, где конь остановился.

Мужчина кивнул.

— Тогда передайте, что конь стоит под крышей. Хозяин сам решит, когда приехать.

Я молча наблюдала за ними.

Разговор был нарочито странным. Но никакой посторонний человек вряд ли заподозрил бы в обсуждении овса сообщение о разыскиваемом драконе.

Хозяин перевел взгляд на меня.

— Вы вместе?

— Да, — ответила я.

— Вам нужен отдых?

— И человеку, которому вы отправите весть, нужно знать, что нас двое.

Он коротко кивнул.

— Понятно.

После этого подошел к кухонной двери и негромко позвал работника.

Через несколько минут я увидела, как со двора выехал молодой всадник.

Он направился на северо-восток.

— Сколько ждать? — спросила я, когда хозяин вернулся.

— Несколько часов. Если дорога свободна.

— А если нет?

— Тогда больше.

Он сказал это спокойно.

— Вы уверены, что хотите оставаться здесь?

Я посмотрела на Тею.

Она ответила раньше меня:

— Да.

Хозяин кивнул.

— Хорошо. Только экипаж я переставлю за конюшню. С дороги его будет меньше видно.

— Зачем? — спросила я.

Он посмотрел на меня с легким удивлением.

— Раз вы приехали без кучера, ночью, а девушка спрашивает определенного человека, думаю, чем меньше посторонних станут заглядывать в окна, тем лучше.

Возразить было нечего.

Мы согласились.

Комната оказалась маленькой, с двумя узкими кроватями и единственным окном на задний двор.

Тея сразу подошла к окну.

— Отсюда видно конюшню.

— И дорогу за ней, — добавила я.

Она повернулась.

— Вы проверяете выходы?

— Теперь да.

— Радан всегда так делает.

Я поставила сумку на кровать.

— Начинаю понимать почему.

Тея сняла плащ.

На запястье опять показались следы синяков.

Я заметила, что она старается прятать их под рукавами.

— Вас сильно держали? — спросила я.

Она посмотрела на руку.

— Однажды я попыталась выйти через парадную лестницу. Меня остановили.

— Охранники Северина?

— Да.

— Они причинили вам боль?

— Не собирались. Просто один схватил так, что потом несколько дней было трудно двигать кистью.

Она села на кровать.

— Я не думала, что так будет. Сначала меня принимали как гостью. Давали выбирать еду, показывали комнаты. Потом однажды не позволили отправить письмо. После этого меня начали сопровождать всюду.

Я открыла дорожную сумку.

Нашла чистую тряпицу и небольшой пузырек с мазью, который Бесса положила между бельем.

— Подойдите.

— Зачем?

— Посмотрю руку.

Тея подошла.

Я осторожно повернула ее запястье.

Синяки уже сходили, сильного отека не было. Пальцами девушка двигала свободно, хотя при сгибании кисти поморщилась.

— Можете шевелить?

— Да.

— Тогда, вероятно, ничего серьезного. Но если будет болеть сильнее, придется показать лекарю.

Я нанесла немного мази.

Тея следила за моими руками.

— Вы много знаете о лечении?

— Совсем немного. В обозах постоянно кто-нибудь натирал кожу, подворачивал ногу или резал палец.

— Брат говорил, что у вас раньше была дорожная служба.

Я подняла глаза.

— Мой муж рассказал ему?

— Нет. Я упоминала, что вы помогли мне выбраться. Связному пришлось объяснить, кто вы такая, чтобы он передал весть.

Я насторожилась.

— Когда вы успели?

— Пока вы разговаривали с хозяином у конюшни. Я сказала ему ваше имя.

— Полное?

— Да.

Я убрала мазь.

— Тея, мы же договорились сначала обсуждать важные вещи.

Она покраснела.

— Я думала, это необходимо.

— Возможно. Но теперь кто-то еще знает, где находится бывшая жена Северина Дорна.

Тея опустила голову.

— Простите.

Я потерла переносицу.

Устала настолько, что даже злиться получалось с трудом.

— Скажите, пожалуйста, какие именно сведения вы передали.

Она рассказала.

Имя, обстоятельства побега, количество людей, направление из столицы.

Ничего о деньгах, письмах или семейных делах.

Я слушала и постепенно успокаивалась.

Если связной действительно принадлежал семье Вельмаров, он все равно должен был знать, с кем имеет дело. Радан вряд ли поехал бы навстречу сестре в сопровождении неизвестной женщины.

Но мне хотелось самой решать, какую часть своей жизни открывать посторонним.

— В следующий раз сначала спросите, — сказала я.

— Хорошо.

Тея провела пальцем по краю кровати.

— Вы сердитесь?

— Да.

Она кивнула.

— Понимаю.

Мы замолчали.

Потом я села на вторую кровать и сняла сапоги.

Левая пятка была натерта. Ничего удивительного после утренней грязи.

Я осмотрела кожу, достала чистые чулки и решила некоторое время походить босиком.

Тея смотрела на меня нерешительно.

— Можно спросить?

— Смотря о чем.

— Почему вы все-таки согласились мне помочь?

Я прислонилась к стене.

— Вы уже спрашивали.

— Тогда вы ответили, что у вас много других забот.

— Так и было.

— А сейчас?

Яподумала о запертой двери в западном крыле.

О том, как служанка несла обед в комнату взрослой женщины, а охранник открывал ей замок.

— Я видела, что вас удерживают, — сказала я. — Мне не понравилось.

Тея ждала продолжения.

— И все?

— А этого недостаточно?

— Я думала, может быть, вы хотели отомстить Северину.

Я усмехнулась.

— Если бы я решила мстить, наверное, выбрала бы способ, при котором не нужно самой двое суток править каретой.

Она рассмеялась, но быстро посерьезнела.

— Он вас очень обидел.

Я не стала отрицать.

— Да.

— Вы все еще любите его?

Вопрос оказался настолько прямым, что я не сразу нашла ответ.

— Не знаю, — сказала честно.

Тея замолчала.

Я посмотрела на окно.

— Еще вчера я пыталась вспомнить, когда он перестал приходить ко мне перед сном. Почему перестал интересоваться моими делами. Мне казалось, что если понять причину, можно будет хоть что-то исправить.

— А сейчас?

— Сейчас выяснилось, что он давно готовился жениться на другой женщине.

Тея опустила глаза.

— На мне.

— Вы не выбирали его.

— Не выбирала.

— Тогда не нужно брать на себя то, что решил Северин.

Она кивнула.

Я легла на кровать.

Потолок был неровным, в одном углу сохранилось старое пятно от протечки. Снаружи доносились стук копыт, голоса работников и плеск воды в ведрах.

Обычный почтовый двор.

Я могла бы остановиться здесь одна, выспаться, поесть горячего и завтра уехать дальше. Никто не обсуждал бы мою дальнейшую жизнь, кроме меня самой.

Вместо этого я ожидала приезда разыскиваемого дракона.

Отца Теи убили семь месяцев назад, брат скрывался, а бывший муж готовил свадьбу ради чужого пограничного владения.

Слишком много незнакомых людей и неясных обстоятельств.

Мне не хотелось снова оказаться в положении женщины, которой объясняют только то, что считают необходимым.

— Тея, — сказала я.

— Да?

— Вы не знаете точно, почему вашего брата обвиняют?

Она села ровнее.

— Говорят, он вывел людей с Каменного брода. После этого там напали на обоз.

— Это я слышала.

— Но он не мог такого приказать.

— Почему?

— Потому что мой брат никогда бы не открыл проход перед нападением.

Я посмотрела на нее.

— Вы любите брата.

— Конечно.

— Однако это еще не доказательство.

Она нахмурилась.

— Вы думаете, он виновен?

— Я думаю, что не знаю.

Тея некоторое время смотрела на меня.

Потом тихо сказала:

— Вы хотя бы не называете его убийцей.

— Я не называю убийцей человека, с которым не знакома.

Она вздохнула.

— Северин называл.

— Северин много чего говорил.

Тея не стала спорить.

Мы легли отдыхать.

Я была уверена, что не засну.

Но проснулась от того, что в коридоре кто-то громко рассмеялся.

За окном солнце уже опустилось ниже крыши конюшни.

Тея сидела за столом и рисовала на листе бумаги.

— Сколько времени? — спросила я.

— Почти четвертый час после полудня.

Я резко села.

— Почему не разбудили?

— Вы спали чуть больше трех часов. Хозяин сказал, что пока никто не приезжал.

— А всадник?

— Еще не вернулся.

Я потерла лицо ладонями.

Сон не избавил от усталости полностью, но мысли стали яснее.

На столе лежал рисунок.

Тея изобразила почтовый двор сверху. Крыша конюшни, передние ворота, трактир, колодец, задний сарай.

— Что это? — спросила я.

— План станции.

— Зачем?

— Хотела понять, сколько здесь выходов.

Я наклонилась.

Она рисовала уверенно и точно. Даже размеры зданий передала почти правильно.

— Откуда знаете расположение заднего двора?

— Смотрела из окна. И ходила к колодцу.

Я провела пальцем по узкой полосе за конюшней.

— Здесь что?

— Не знаю. Кажется, хозяйственный проход. Там вывозят

навоз и подвозят сено.

Я запомнила.

— Вы хорошо рисуете планы.

Тея пожала плечами.

— Отец учил меня читать карты. Говорил, что человек, который не знает дороги, слишком легко становится чужим пленником.

Она произнесла это спокойно, но потом отвернулась к окну.

Я не стала расспрашивать о погибшем отце.

Вместо этого спросила:

— Есть будете?

— Очень.

Мы спустились в зал.

Хозяин поставил перед нами две миски густого супа, хлеб и тушеные овощи.

Еда была простой и вкусной.

Я съела все, не оставив ни ложки.

Тея сначала пыталась соблюдать манеры, к которым привыкла в доме Северина, но после второго куска хлеба перестала оглядываться по сторонам.

— Давно вы нормально ели? — спросила я.

— Вчера ужинала.

— И что было?

Она поморщилась.

— Запеченная рыба и какие-то зеленые листья. Мне ска-

зали, что молодой невесте не стоит есть слишком много перед свадьбой.

Я остановилась с ложкой в руке.

— Кто сказал?

— Женщина, которую Северин назначил готовить меня к церемонии.

— И вы послушались?

— Нет. Попросила еще хлеба.

Я рассмеялась.

— Правильно сделали.

Тея довольно улыбнулась.

— Мне кажется, я ей очень не понравилась.

— Ничего страшного. Сомневаюсь, что вы собираетесь с ней дружить.

Хозяин принес горячую воду.

— Всадник вернулся, — сообщил он. — Передал, что господин будет здесь к вечеру.

Тея выпрямилась.

— Радан?

— Да.

— Он один?

— С поручиком.

Она заметно побледнела.

Я поставила ложку.

— Все хорошо?

Тея кивнула.

Но руки у нее дрожали.

— Я не видела его почти семь месяцев.

Я посмотрела на нее внимательнее.

— Вы считали его погибшим?

— Первые месяцы да. Потом мне передали записку. Но он был ранен, и никто не мог сказать, когда поправится.

Она сжала край салфетки.

— Иногда мне казалось, что сообщения поддельные. Что Северин просто хочет узнать, кому я доверяю.

— А теперь?

— Теперь я узнаю.

Больше она не смогла есть.

Я не стала заставлять.

Мы вышли во двор.

Солнце клонилось к западу. Работники заканчивали кормить лошадей. Возле сарая двое мужчин укладывали тюки сена на телегу.

Моя карета стояла за конюшней.

Хозяин действительно убрал ее с главного двора.

Я подошла проверить Руту и Грача.

Они отдыхали под навесом, отъевшись и напившись воды. Грач потянулся ко мне, требуя внимания.

Я погладила его морду.

— Еще немного, дружище.

Он довольно фыркнул.

Тея стояла возле ворот.

Время тянулось медленно.

Я хотела расспросить ее о том, что она собиралась делать после встречи с братом. Но каждый раз, когда начинала разговор, она прислушивалась к дороге.

Наконец издалека послышались копыта.

Тея повернулась раньше меня.

По тракту ехали два всадника.

Один — высокий мужчина на темно-гнедом коне. Второй держался немного позади, на светлой лошади. Оба были в дорожных плащах без гербов и отличительных знаков.

Они не гнали коней, но ехали быстро и уверенно.

У ворот первый всадник придержал поводья.

Я увидела его лицо.

Северин описывал Радана Вельмара совсем иначе.

В его рассказах это был жестокий военачальник, привыкший внушать страх одним взглядом. Человек, который терял людей и не сожалел об этом.

Передо мной сидел на коне мужчина лет тридцати семи.

Темные короткие волосы, суровое лицо, серые глаза. Широкие плечи под дорожным плащом, сильные руки, привычка держаться прямо даже после долгой дороги.

Красивым его можно было назвать без всяких оговорок.

Но красота не делала его приветливым.

Он оглядел двор, прежде чем спешиться.

И только потом увидел Тею.

Девушка сорвалась с места.

— Радан!

Он успел сделать всего два шага.

Тея врезалась ему в грудь так сильно, что мужчина отступил назад.

Он обнял ее обеими руками.

Некоторое время они стояли молча.

Я отвела взгляд.

Мне не хотелось наблюдать за встречей, которую они ждали семь месяцев.

Второй всадник спешился и занялся лошадьми.

— Келл Варн, — представился он, заметив мое внимание. — А вы, полагаю, госпожа Эрт?

— Ливия Эрт.

— Благодарю, что помогли госпоже Вельмар.

Он говорил без подобострастия.

Мужчина был немного моложе Радана, светловолосый, с короткой бородой и спокойными карими глазами. На левом сапоге виднелась свежая грязь.

— Пока рано благодарить, — ответила я. — Мы еще не решили, что делать дальше.

Келл кивнул.

— Разумно.

Он передал поводья работнику станции, потом спросил:

— Вы ехали на своей карете?

— Да.

— Лошади целы?

— Устали, но целы.

— Хорошо. Сегодня им больше достанется.

Я посмотрела на него.

— Кто это решил?

Он слегка улыбнулся.

— Никто. Просто совет. Дорога до заставы не самая короткая.

Я не ответила.

В этот момент Радан отпустил сестру.

Он держал ее за плечи и внимательно осматривал лицо.

— Ты цела?

— Да.

— Тебя били?

— Нет.

Тея попыталась спрятать руку.

Радан заметил.

— Покажи.

Она закатила глаза.

— Радан, это старые синяки.

— Я вижу.

— Ливия уже смотрела.

Мужчина перевел взгляд на меня.

Теперь я увидела, что у него очень светлые серые глаза.

Не добрые и не злые. Просто внимательные.

— Ливия Эрт?

— Да.

Он отпустил сестру и подошел.

Близко стало заметно, насколько он выше меня.

Я привыкла к росту Северина, но Радан был еще выше и значительно шире в плечах. На нем не было ни одного дорогого украшения, только простая металлическая застежка у воротника и широкая перевязь для дорожного оружия.

— Радан Вельмар, — представился он.

— Я догадалась.

Он чуть приподнял бровь.

— Тея рассказала?

— Назвала ваше имя. Остальное мне уже было известно из столичных разговоров.

Радан посмотрел на сестру.

— И как много она рассказала?

— Достаточно, чтобы я начала сомневаться в разумности нашего путешествия.

Тея виновато потупилась.

— Я не сказала ей сразу, кто ты.

— Почему?

— Боялась, что она откажется помогать.

Радан некоторое время смотрел на сестру.

— Ты должна была предупредить.

— Знаю.

— Мы об этом еще поговорим.

Он снова повернулся ко мне.

— Мне жаль, что вас поставили в такое положение.

— Мне тоже.

— Тея сказала, что вы вывезли ее из дома Дорна. Как вам удалось пройти охрану?

— По выездной ведомости. Я имела право покинуть дом со служанкой.

— А она?

— Осталась.

Радан нахмурился.

— В доме Дорна?

— Да.

— Это опасно.

Я посмотрела ему в лицо.

— Думаете, я не понимаю?

Он задержал взгляд на мне.

— Нет. Думаю, вы понимаете лучше многих. Я хотел узнать, что произошло.

Я немного успокоилась.

— Мою служанку зовут Бесса Лан. Она помогла нам выбраться. Сейчас может оказаться под подозрением.

— Мы попробуем узнать, что с ней.

— Что именно вы можете сделать?

— Отправить запрос через человека, которому доверяю. И, если возникнет необходимость, подготовить обращение к властям.

— Вы не можете просто забрать ее?

— Не могу обещать этого. Дорн держит столичный дом

под охраной. Любая попытка проникнуть туда силой сделает положение Бессы только хуже.

Я медленно кивнула.

Ответ мне не понравился.

Зато был честным.

Северин в подобной ситуации наверняка заявил бы, что все уладит, и потребовал перестать задавать вопросы.

Радан ничего подобного не сказал.

— Тогда хотя бы выясните, что с ней, — попросила я.

— Выясним.

Он посмотрел на мою карету за конюшней.

— Вы сами правили всю дорогу?

— Да.

— Из столицы?

— А откуда же еще?

Его губы едва заметно дрогнули.

— Просто уточнил.

— Лошади тоже не возникли здесь сами собой.

Тея тихо хихикнула.

Радан бросил на нее взгляд.

— Что?

— Ничего.

Но девушка продолжала улыбаться.

Я вдруг почувствовала себя неловко.

Не из-за его внешности.

Из-за того, что уже второй раз за день разговаривала с

незнакомым мужчиной так, как последние годы не позволяла себе разговаривать с Северином.

Радан, к моему удивлению, не обиделся.

— Тогда вам особенно нужен отдых, — сказал он. — Есть место, где мы сможем спокойно поговорить?

Я показала на трактир.

— Хозяин выделил нам комнату.

— Пойдемте туда.

— Сначала скажите, за вами следили?

Он посмотрел на дорогу.

— Пока нет признаков.

— Это не ответ.

— Я не могу знать наверняка, госпожа Эрт. Мы несколько раз проверяли, нет ли за нами всадников. Никого не заметили.

Такой ответ меня устроил больше.

Мы направились в трактир.

Келл остался возле ворот, поговорить с хозяином станции и проверить дорогу.

В комнате Радан первым делом подошел к окну.

Осмотрел двор, расположение кареты, заднюю калитку.

Тея вздохнула.

— Ты даже здесь не можешь просто сесть?

— Могу.

— Тогда сядь.

Он послушно отодвинул стул.

Я невольно улыбнулась.

Тея устроилась напротив.

— Мне нужна твоя помощь, — сказала она.

— Знаю.

— Я не вернусь к Северину.

— Хорошо.

Она растерялась.

— И все?

— А что еще ты хочешь услышать?

— Что ты не заставишь меня выйти за него ради Керна.

Радан посмотрел на нее так, будто вопрос был совершенно неожиданным.

— Ты правда думаешь, что я способен заставить тебя выйти за Дорна?

— Ты постоянно говорил, что имущество рода нужно сохранить.

— Имущество не стоит твоей жизни.

— Но если меня объявят соучастницей твоей измены...

— Тогда мы будем разбираться с обвинением. Не с твоим замужеством.

Она опустила голову.

Я наблюдала за ними молча.

Слова Радана звучали убедительно.

Но за последние двенадцать лет я привыкла к тому, что мужчина может говорить одно, а потом объяснять свои совершенно другие поступки заботой о женщине.

Мне требовалось больше времени.

Радан заметил мой взгляд.

— Вы хотите что-нибудь спросить?

— Да.

— Слушаю.

Я села напротив.

— Если я сейчас решу уехать отдельно от вас и вашей сестры, вы позволите мне это сделать?

Тея подняла голову.

Радан не ответил сразу.

— Позволю, — сказал наконец.

— Без охраны, которую я не просила?

— Если вы настаиваете, да. Но сначала объясню, что мне известно о дороге и преследовании.

— Вы считаете, что нас ищут?

— Дорн не оставит исчезновение невесты без ответа. Особенно после развода.

— Почему особенно после развода?

Радан перевел взгляд на Тею.

Та вздохнула.

— Она знает о Керне.

— Насколько подробно? — спросил он.

— Только то, что Северин готовил какую-то сделку после свадьбы.

Я вмешалась:

— На его столе лежал договор, где говорилось о предста-

вительстве вашего рода и управлении гарнизоном.

Радан посмотрел на меня гораздо внимательнее.

— Вы видели этот документ?

— Только часть. Он лежал среди бумаг за завтраком.

— Там была дата?

Я попыталась вспомнить.

— Кажется, следующего месяца. Но не уверена.

— Вы запомнили герб?

— Вельмаров.

— И слова об управлении?

— Да.

Он откинулся на спинку стула.

— Значит, Дорн начал готовить бумаги еще до свадьбы.

Тея сжала губы.

— Я говорила тебе, что он собирается получить Керн.

— Говорила.

Радан посмотрел на меня.

— У моей сестры есть права на родовое владение. Меня временно отстранили от командования гарнизоном. Дорн рассчитывает жениться на Тее и получить через этот союз поддержку для своего назначения.

— Значит, она нужна ему не потому, что он влюбился?

Тея фыркнула.

Радан ответил серьезно:

— Я не знаю, что он к ней чувствует. Но без ее согласия на определенные документы у него меньше оснований пре-

тендовать на управление крепостью.

Я сложила руки на коленях.

Северин говорил мне, что новая жена моложе, лучше подходит для его будущих обязанностей и способна поддержать его положение.

Теперь становилось понятно, почему он так торопился.

— Он говорил, что ваш род находится в тяжелом положении, — заметила я.

— Так и есть, — ответил Радан. — После смерти отца и обвинения против меня многие договоры были приостановлены.

— А обвинение справедливо?

Тея резко повернулась ко мне.

— Ливия!

Я подняла руку.

— Я хочу услышать его ответ.

Радан не отвел взгляд.

— Нет.

— Почему тогда вас разыскивают?

— Потому что семь месяцев назад через Каменный брод прошел вооруженный отряд. Перед этим с заставы вывели основную стражу. Приказ был подписан моим именем.

— Вы его не отдавали?

— Нет.

— И можете это доказать?

Он помолчал.

— Пока не в той мере, которую потребует королевская проверка.

Я кивнула.

Ответ оказался честнее, чем я ожидала.

— Что произошло с вашим отцом?

Радан опустил глаза на собственные руки.

— Он погиб при нападении на обоз.

— Мне жаль.

— Спасибо.

Некоторое время мы молчали.

Потом я спросила:

— Вы знаете, кто подделал приказ?

— Есть основания подозревать несколько человек. Но пока я не могу назвать виновного так, чтобы это выдержало проверку.

— Северин среди них?

Радан посмотрел на меня.

— Его ведомство участвовало в снабжении прохода.

— Это еще не доказательство.

— Верно.

Тея нетерпеливо задвигалась.

— Но ты ведь знаешь, что он...

— Тея, — остановил ее Радан. — Мы сейчас говорим о том, что можем подтвердить.

Девушка замолчала.

Я впервые подумала, что между этими двумя существова-

ли не только привязанность и привычные семейные споры. Им приходилось быть осторожными даже в разговорах друг с другом.

Радан достал из внутреннего кармана плаща сложенную карту.

Развернул на столе.

— Теперь о вашей дороге, госпожа Эрт.

Я придвинула стул.

Карта оказалась подробной. На ней были отмечены тракт, реки, почтовые станции и небольшие населенные пункты.

Радан указал на Старый перевоз.

— Мы здесь.

— Знаю.

— Если вы хотите отправиться дальше самостоятельно, лучше не возвращаться тем же путем. По главному тракту Дорн наверняка пошлет людей.

— Я могу поехать на запад.

— Можете. Но после дождя там плохая дорога, а ваша карета тяжеловата для болотистого участка.

Я посмотрела на карту.

— Насколько плохая?

Он провел пальцем по узкой полосе.

— Местами придется идти пешком и разгружать экипаж. Я бы не рекомендовал.

— Почему вы так уверены?

— Был там в начале месяца.

— Понятно.

Я внимательно рассмотрела другой маршрут.

Он шел через небольшую деревню, затем выходил к Белому Мосту.

— А этот?

— Дорога лучше. Но через несколько часов окажетесь на открытом тракте. Если вас ищут, могут остановить на следующей станции.

— Меня пока никто не обвинял в преступлении.

— Я бы на это не рассчитывал.

— Вы слишком уверенно говорите о человеке, которого не знаете.

— Я знаю, на что он способен ради Керна.

Я вспомнила завтрак.

Северин спокойно обсуждал деньги и новое замужество, словно все уже было решено.

— Допустим, — сказала я. — А что предлагаете вы?

Радан указал на дорогу к востоку.

— Вересковая застава. Старое дорожное укрепление, выведенное из регулярной службы. Там достаточно места, можно отдохнуть и решить дальнейшие шаги.

— Ваш дом?

— Не совсем. Сейчас мы используем его как убежище.

— Кто еще там находится?

— Несколько моих людей. Все взрослые, вооруженные и понимающие, что делают.

— Очень успокаивает.

Он посмотрел на меня.

— Я не собираюсь убеждать вас, что вокруг нет опасности.

— Хорошо.

Тея вмешалась:

— Ливия, там безопасно. Я уверена.

Я повернулась к ней.

— Вы еще не были на этой заставе.

Она растерялась.

— Нет.

— Значит, не можете быть уверены.

Радан неожиданно усмехнулся.

— Справедливо.

Тея возмущенно посмотрела на него.

— Ты на чьей стороне?

— Сейчас пытаюсь выяснить, как вы обе добрались сюда живыми.

— Мы прекрасно справились.

— Вижу.

Он посмотрел на грязь, засохшую на краю моего платья.

— Хотя дорога, судя по всему, была непростой.

— Мост разобрали, — сказала я.

— Какой?

— Через Ольховый рукав.

Он покачал головой.

— Там уже несколько лет нет проезда.

— Теперь знаю.

— Надеюсь, вы не пытались переправиться?

— Нет. Только развернули карету в грязи и потратили лишние часы.

Радан некоторое время смотрел на меня.

Потом спокойно сказал:

— Хорошо, что не стали искать брод. После дождя там сильное течение.

Я приготовилась услышать что-нибудь о женской самонадеянности и неумении читать карты.

Но он просто передвинул карту ближе.

— На этой дороге есть несколько удобных стоянок. Если решите продолжить отдельно, могу отметить их.

Я посмотрела на него с недоверием.

— Вы действительно это сделаете?

— Почему нет?

— Потому что вам удобнее, чтобы я ехала с вами.

Он не стал отрицать.

— Да. Вы видели бумаги Дорна, помогли моей сестре, знаете обстоятельства побега. Мне было бы спокойнее, если бы вы находились под защитой. Но это не дает мне права распоряжаться вами.

Я задержала взгляд на карте.

Мне хотелось поверить.

Еще сильнее хотелось перестать ждать подвоха в каждом

разговоре.

Но я слишком хорошо знала цену поспешному доверию.

— Я готова доехать до вашей заставы, — сказала наконец. — Только потому, что сейчас не хочу оставлять Тею одну. А потом решу, что делать дальше.

Радан кивнул.

— Договорились.

— И мои вещи останутся при мне.

— Разумеется.

— Лошадей тоже никто не забирает.

Он слегка нахмурился.

— Я не собирался забирать вашу карету.

— Тогда прекрасно.

Тея выдохнула с таким облегчением, словно мы только что заключили мирный договор между двумя королевствами.

Радан свернул карту.

— Нам лучше выехать до темноты.

Я посмотрела на окно.

— Лошади отдыхают только несколько часов.

— Тогда поедем медленнее. При необходимости остановимся на ночь.

— Сколько до заставы?

— Несколько часов, если ехать без долгих остановок.

— А если с остановками?

Он посмотрел на мои руки.

— Зависит от состояния лошадей и дороги.

— Тогда сначала я проверю упряжь.

— Хорошо.

Он поднялся.

На мгновение плащ откинулся, и я увидела старый рубец на его левом предплечье. Светлая неровная полоса начиналась возле запястья и уходила под рукав.

Радан заметил мой взгляд, но ничего не сказал.

Я тоже промолчала.

Чужие раны не становились моим делом только потому, что я их увидела.

Мы вышли из комнаты.

На лестнице Тея задержалась рядом со мной.

— Он вам не понравился? — тихо спросила она.

Я посмотрела на нее.

— Почему вы решили?

— Вы все время спорили.

— Я задавала вопросы.

— Но он обычно не любит, когда ему возражают.

— Тогда у нас могут возникнуть сложности.

Тея улыбнулась.

— Мне кажется, уже возникли.

Я не ответила.

Во дворе Келл разговаривал с хозяином станции.

Оба выглядели напряженными.

Радан заметил это раньше меня.

— Что случилось?

Келл повернулся.

— С главного тракта едут трое. Местные их не знают. Лошади свежие, одежда столичная.

— Куда направляются?

— Сюда.

Хозяин станции нервно провел ладонью по лицу.

— Один спрашивал у соседнего двора про зеленую карету. Мне передали только что.

Я почувствовала, как похолодели пальцы.

Зеленую карету.

Мою.

— Нас нашли? — прошептала Тея.

Радан посмотрел на нее.

— Пока не знаем.

Он повернулся ко мне.

— Где ваш экипаж?

— За конюшней.

— Вы сможете быстро запрячь?

Я мысленно представила положение лошадей.

— Они почти готовы. Упряжь сняли не полностью.

— Сколько понадобится времени?

— Несколько минут. Если никто не станет мешать.

Радан кивнул.

— Тогда займитесь этим.

Я нахмурилась.

— А вы?

— Постараемся выиграть время.

— Что значит «постараемся»?

— Поговорим с гостями.

— Вы ведь понимаете, что они могут искать вашу сестру?

— Понимаю.

Я посмотрела на Тею.

Она стояла очень прямо, сжав руки перед собой.

В ее лице снова появился тот страх, который я видела утром в своей спальне.

— Тея, пойдемте, — сказала я.

Мы направились к конюшне.

Келл пошел за нами.

— Я помогу запрячь, — предложил он.

— Лучше найдите выход за сараем, — ответила я.

Он остановился.

— Какой выход?

Я вспомнила рисунок Теи.

— Хозяйственный проезд. По нему подвозят сено. Если ворота открываются, сможем выехать не через главный двор.

Келл посмотрел на меня с новым интересом.

— Вы его видели?

— Тея нарисовала план. Я заметила проезд из окна.

Он кивнул.

— Проверю.

Мы с Теей подошли к лошадям.

Рута приподняла голову.

Грач потянулся к моей сумке.

— Не сейчас, — пробормотала я.

Руки работали быстрее, чем утром.

Я затянула ремни, проверила пряжки, помогла Тее правильно закрепить постромки. Она не знала всех названий, но быстро понимала объяснения.

— Эту петлю сюда, — сказала я. — Нет, немного ниже. Теперь затяните.

Тея справилась.

— Так?

— Хорошо.

Мы завели лошадей к карете.

Со стороны главного двора послышались голоса.

Сначала спокойные.

Потом более громкие.

Я не разобрала слов.

Тея замерла.

— Это они?

— Не знаю. Продолжайте.

Мы подняли оглобли.

Я проверила, чтобы Грач не наступил на ремень.

В эту секунду со стороны трактира раздался резкий голос:

— По распоряжению господина Дорна мы должны осмотреть станцию!

Тея побледнела.

Я положила руку ей на плечо.

— Смотрите на лошадей. Сейчас это важнее.

Она кивнула, хотя губы у нее дрожали.

Келл вернулся.

— Проезд есть, — сообщил он. — Ворота за сараем закрыты на деревянный засов. Я могу открыть, но дальше узкая дорога вдоль поля.

— Насколько узкая?

— Сено возят на обычных телегах.

— Значит, карета пройдет.

Он посмотрел на колеса.

— Если не сядете в колею.

— Постараюсь.

Келл коротко кивнул.

— Тогда выводите лошадей. Я освобожу ворота.

Он ушел за сарай.

Я поднялась на козлы.

Тея собиралась забраться внутрь, но вдруг остановилась.

— Можно я останусь с вами?

— На козлах?

— Да.

Я посмотрела на узкое сиденье.

— Места хватит. Но держитесь крепко и не мешайте поводьям.

Она быстро забралась рядом.

Из главного двора снова донеслись голоса.

Теперь я разобрала слова хозяина станции:

— У меня нет права задерживать постояльцев без законного распоряжения.

Мужчина ответил резко:

— Тогда мы сами проверим!

Послышался тяжелый стук.

Будто кто-то ударил сапогом по двери.

Я взяла поводья.

— Тея, готовы?

Она кивнула.

— Да.

— Тогда поехали.

Рута сделала первый шаг.

Грач двинулся следом.

Мы медленно повели карету вдоль задней стены конюшни.

Дорога действительно была узкой. С одной стороны тянулась низкая каменная ограда, с другой — стена сарая. Под колесами хлюпала грязь.

Возле ворот стоял Келл.

Он уже снял деревянный засов.

За створками виднелась полевая дорога, уходившая между кустами.

Я почувствовала облегчение.

Но в этот момент из-за угла конюшни появился мужчина в темном дорожном плаще.

Он остановился, увидев нас.

— Стойте!

Я натянула поводья.

Не потому, что собиралась подчиняться.

Просто дальше находился узкий проезд, а Грач при резком рывке мог удариться оглоблей о каменную стену.

Мужчина шагнул ближе.

Я узнала знак на его воротнике.

Личная охрана дома Дорнов.

— Госпожа Дорн, — произнес он.

— Эрт, — поправила я.

Он не обратил внимания.

— Господин приказал вернуть вас.

— На каком основании?

— Вы увезли девушку, находившуюся под его защитой.

Тея вцепилась в край сиденья.

Я почувствовала ее движение, но не посмотрела.

— Девушка совершеннолетняя, — ответила я. — Она уехала добровольно.

Мужчина прищурился.

— Значит, вы признаете, что она с вами?

Я замолчала.

Он довольно усмехнулся.

— Прошу спуститься. Нам нужно поговорить.

— Я уже говорю.

Он сделал еще шаг.

— Не осложняйте себе положение, госпожа. Господин Дорн желает решить дело спокойно.

Слова были такими знакомыми, что на мгновение мне показалось, будто я снова сижу за завтраком.

«Будь разумна».

«Не осложняй».

«Мы можем решить все спокойно».

Спокойствие всегда означало, что я должна согласиться.

Я крепче взяла поводья.

— Отойдите от лошадей.

Мужчина не сдвинулся.

— Госпожа...

— Они плохо переносят незнакомых людей возле морд. Отойдите, если не хотите получить копытом.

Он посмотрел на Грача.

Мерин как раз нервно переступил ногами.

Охранник отступил на полшага.

Я воспользовалась этим.

— Келл, — позвала я, не повышая голоса. — Ворота свободны?

— Да.

Мужчина в плаще резко повернулся.

Келл стоял возле створки.

В руке у него был короткий дорожный клинок, но он не делал попытки приблизиться.

— Вы кто такой? — потребовал охранник.

— Человек, который не советует стоять перед запряженной каретой, — ответил Келл.

Охранник потянулся к оружию.

Именно тогда из-за угла появился Радан.

Он шел быстро, но не бежал.

— Руку уберите, — сказал он.

Мужчина замер.

Посмотрел на Радана.

На мгновение его лицо вытянулось от удивления.

Потом он выругался.

— Вельмар!

Радан остановился между ним и каретой.

— Вам лучше вернуться к своим.

— Вас разыскивают!

— Знаю.

— Приказ...

— Покажете его королевским служащим, когда найдете.

Охранник резко выхватил оружие.

Дальше все произошло очень быстро.

Радан перехватил его руку, развернул и прижал к стене конюшни. Клинок со звоном упал на землю.

Мужчина попытался вырваться.

Не смог.

— Я сказал, — произнес Радан, — уберите руку.

Его голос не стал громче.

Охранник тяжело дышал.

Радан отпустил его ровно настолько, чтобы тот смог отступить.

— Келл, проводи женщин.

Келл уже держал створку ворот.

Я щелкнула поводьями.

Рута пошла вперед.

Грач сначала замешкался, затем потянул за ней.

Карета медленно прошла через проезд.

Правое колесо задело край колеи, но не провалилось.

Мы выбрались на полевую дорогу.

Я уже собиралась прибавить ходу, когда сзади раздался крик:

— Они уходят!

Послышался топот копыт.

Тея обернулась.

— За нами едут!

Я натянула левый повод, заставляя Руту обойти глубокую яму.

— Смотрите вперед.

— Но...

— Тея, вперед!

Она послушалась.

Дорога тянулась вдоль поля.

С одной стороны стояли низкие кусты орешника, с другой темнела размокшая пашня. Колеса подпрыгивали на камнях. Мне приходилось постоянно удерживать Грача, чтобы он не

обгонял Руту и не тянул карету в сторону.

За спиной раздался металлический лязг.

Потом короткий вскрик.

Я не видела, что происходило во дворе.

И не собиралась останавливаться, чтобы узнать.

— Там поворот! — крикнула Тея.

Впереди дорога раздваивалась.

Левая ветка шла вниз, к низине, где после дождя наверняка стояла вода. Правая поднималась к лесу.

— Направо, — сказала я.

— Откуда знаете?

— Вижу колеи. По правой недавно ездили телеги.

Я направила лошадей вверх.

Карета накренилась на повороте.

Тея ухватилась за край сиденья.

Я сбавила ход, чтобы не перевернуть экипаж.

В тот же момент на дороге позади появился всадник.

Он ехал быстро, пригнувшись к гриве лошади.

— Ливия! — вскрикнула Тея.

Я успела заметить темный плащ.

Потом всадник скрылся за кустами.

Через несколько секунд послышался удар и громкий голос.

— Стой!

Я не обернулась.

Тея смотрела назад.

— Кажется, его остановили!

— Кто?

— Радан.

Я сжала поводья.

Очень хотелось узнать, цел ли он.

Но я помнила, что сейчас отвечала не только за себя.

Мы продолжали подниматься к лесу.

Дорога стала тверже. Под колесами появился мелкий гравий.

Наконец я остановила карету возле старого придорожного столба.

Лошади тяжело дышали.

Рута опустила голову.

Грач нервно перебирал ногами.

— Нужно дать им передохнуть, — сказала я.

Тея посмотрела назад.

— А если они догонят?

— Тогда снова поедем. Но если сейчас загоню лошадей, дальше точно не уйдем.

Она кивнула.

Я спустилась с козел.

Проверила ноги Руты и Грача, осмотрела ремни. Упряжь выдержала. На правом колесе обнаружилась свежая царапина, но никаких трещин я не заметила.

Мы стояли под деревьями, слушая дорогу.

Сначала было тихо.

Потом где-то далеко послышались копыта.

Тея резко повернулась.

Я положила руку на поводья.

Из-за поворота выехали двое.

Радан и Келл.

Увидев карету, они замедлили ход.

Я неожиданно почувствовала такое облегчение, что пришлось прислониться к дверце.

— Все в порядке? — спросил Радан, спешиваясь.

— Лошади целы, — ответила я.

Он посмотрел на меня.

— А вы?

— Тоже.

Тея спрыгнула с козел.

— Радан!

Он успел подхватить ее, прежде чем она поскользнулась на мокрой земле.

— Осторожнее.

— Что случилось?

— Люди Дорна решили, что могут задержать вас силой.

— И?

— Не получилось.

Келл подошел ближе.

На его рукаве была небольшая прореха.

— Один пытался обойти конюшню верхом, — сообщил он. — Но в узком проезде конь испугался телеги. Пришлось

помочь всаднику спешиться.

Я посмотрела на разорванную ткань.

— Он вас ранил?

— Только плащ. Сам цел.

Радан проверил подпругу своего коня.

— Двое остались на станции. Третий, вероятно, уже ищет другой путь. Нам лучше не задерживаться.

Я нахмурилась.

— Вы их связали?

— Одного пришлось обезоружить. Остальным достаточно было понять, что мы не собираемся сдаваться. Хозяин станции теперь знает, кто к нему приезжал.

— Значит, они смогут рассказать, куда мы направились.

— Видели только хозяйственный проезд. Дальше дороги расходятся.

Келл указал на лес.

— Мы пойдем другим путем, чтобы не приводить погоню прямо к заставе.

Я посмотрела на него.

— А откуда вы знаете, что кто-нибудь вообще продолжит преследование?

Он не ответил.

Вместо этого достал из-под плаща сложенный лист.

— Вот это нашли у одного из людей Дорна.

Радан взял бумагу.

Развернул.

Прочитал.

Его лицо стало еще серьезнее.

Тея подошла ближе.

— Что там?

Радан посмотрел на меня.

— Лучше вам прочитать самой.

Я взяла лист.

Бумага была плотной, с ведомственной отметкой и сургучной печатью.

Вверху стояло распоряжение о поиске женщины, незаконно вывезенной из дома королевского распорядителя снабжения.

Ниже следовало подробное описание моей кареты.

Зеленый кузов.

Два сундука.

Рыжая кобыла и черный мерин.

Я невольно посмотрела на Руту и Грача.

Все было записано точно.

Затем я прочитала следующую строку.

«Ливию Эрт, ранее состоявшую в браке с Северином Дорном, разыскать и задержать для передачи уполномоченным лицам по подозрению в похищении совершеннолетней госпожи Теи Вельмар».

Я перечитала предложение.

Потом еще раз.

Тея заглянула мне через плечо.

— Он написал, что вы меня похитили?

— Да.

— Но я сама попросила вас!

Я молчала.

Ниже находилось распоряжение досматривать экипажи, проверять дорожные станции и сообщать о каждой встреченной женщине, подходящей под описание.

Особенно меня заинтересовала последняя приписка.

«Не допускать самостоятельного обращения задержанной к местным должностным лицам до прибытия представителей распорядителя».

Я подняла глаза.

— Он даже не хочет, чтобы я могла объяснить происходящее городским властям.

Радан протянул руку.

— Можно?

Я передала ему лист.

Он прочитал приписку.

— Это распоряжение его людям, а не независимый королевский приказ, — сказал он. — Но если Дорн направил жалобу и своим знакомым в городской канцелярии, вам могут создать серьезные неприятности.

— Он уже создал.

— Да.

Я смотрела на бумагу.

Еще вчера утром Северин говорил, что намерен обеспе-

чить мне спокойную жизнь.

Сегодня его люди искали меня как преступницу.

Причем речь шла не о том, что я вывезла чужие вещи. Не о нарушении условий развода и не о семейном споре.

Он утверждал, что я похитила человека.

Тея выхватила лист у Радана.

— Это ложь!

— Знаю, — ответил он.

— Нужно немедленно написать опровержение!

— Напишем.

— И заставить его отозвать распоряжение!

— Тея, сначала доберемся до безопасного места.

Она открыла рот, собираясь возразить.

Но потом посмотрела на меня и замолчала.

Я медленно села на ступеньку кареты.

В голове у меня неприятно прояснилось.

Северин не собирался возвращать бывшую жену.

Ему нужна была невеста.

А я стала человеком, который помешал его планам.

Теперь он мог называть меня похитительницей, ревнивой женщиной, нарушительницей порядка. Мог уверять окружающих, что спасал Тею от моей мести.

Его слова наверняка звучали убедительно.

Он всегда умел говорить так, чтобы другие считали его разумным человеком.

— Госпожа Эрт, — произнес Радан.

Я подняла голову.

Он стоял передо мной, держа поводья своего коня.

— Мы можем отправиться дальше?

Я посмотрела на него.

— Да.

— Вы поедете с нами?

Я задержала взгляд на его лице.

У меня оставалась возможность отказаться.

Радан сам предложил сопровождение до другой станции. Мог показать дорогу, оставить мне карту и позволить уехать.

Но теперь я знала, что Северин уже отправил людей по моему следу.

Одной, на узнаваемой карете, я далеко не ушла бы.

А Тея все еще нуждалась в помощи.

— Поеду, — ответила я. — До Вересковой заставы.

Он кивнул.

— Хорошо.

— Но мне нужно будет отправить письмо.

— Кому?

— Пока не знаю. Сначала выясню, что случилось с Бессой.

— Поможем связаться с теми, кто сможет проверить.

Я поднялась.

— И еще. Я хочу сохранить эту бумагу.

Радан посмотрел на лист в руках сестры.

— Она вам понадобится как доказательство.

— Именно.

Тея протянула мне распоряжение.

Я аккуратно сложила его и убрала в дорожную сумку, между страницами отцовской тетради.

Потом проверила застежку.

Не хотелось потерять документ, который столь ясно показывал, чего теперь ожидать от Северина.

Радан подошел к карете.

— У вас устали руки?

— Немного.

— Можем оставить экипаж на время в безопасном месте и продолжить верхом. Так быстрее.

Я покачала головой.

— Нет.

— Почему?

— Потому что это моя карета.

Он внимательно посмотрел на меня.

— Понимаю.

— И я не хочу бросать лошадей.

— Тогда поедем медленнее.

Келл развернул своего коня к лесной дороге.

— Там есть твердый участок, — сказал он. — Повозка пройдет.

Я поднялась на козлы.

Тея забралась внутрь. На этот раз не стала просить место рядом: после дороги и погони она едва держалась на ногах.

Радан задержался у моей кареты.

— Ливия?

Я повернулась.

Он впервые назвал меня по имени без официального обращения.

Это прозвучало спокойно, словно он просто проверял, слышу ли я.

— Да?

— Если вам станет тяжело править, скажите. Я умею обращаться с лошадьми.

Я посмотрела на его руки.

Большие, крепкие, со следами старых повреждений.

И неожиданно представила, как он берет поводья, пока я отдыхаю рядом.

Мысль оказалась странно приятной.

Но пока я была готова доверить ему только дорогу.

— Скажу, — ответила я.

Он кивнул и направился к своему коню.

Я тронула Руту.

Грач пошел следом.

Мы выехали на лесную дорогу, оставив позади станцию, погоню и последний шанс на тихое исчезновение.

Впереди двигался Келл.

Радан ехал немного сбоку, чтобы видеть и дорогу, и мою карету.

Несколько раз он оборачивался, проверяя, не отстали ли мы.

Ни разу не приказал прибавить ходу.

К вечеру лес стал темнее. Влажный воздух пах прелыми листьями, дымом далеких костров и мокрой землей.

Я вспомнила, как утром сидела у разрушенного моста и ругала себя за старую карту.

Тогда мне казалось, что самой большой ошибкой стало неверное направление.

Теперь выяснилось, что дороги могут быть куда опаснее, чем я представляла.

Но впервые за много лет я хотя бы знала, кто принял решение свернуть.

Я сама.

И если впереди меня ждало новое разочарование, я намеревалась встретить его с открытыми глазами.

За спиной послышался голос Теи:

— Ливия?

— Что?

— Я знаю, что должна была рассказать вам о брате раньше.

Я посмотрела на дорогу.

— Знаю.

— И больше не стану скрывать важное.

Я помолчала.

— Постарайтесь.

Она тихо ответила:

— Постараюсь.

Я не стала обещать, что сразу ей поверю.

Но, когда Тея попросила остановиться у следующего ручья, чтобы напоить лошадей и помочь мне проверить упряжь, я согласилась.

Мы еще не стали подругами.

И я ничего не знала наверняка о ее брате.

Зато уже понимала одну вещь.

Северин считал, что, выставив меня из дома, избавился от всех обязательств и неприятных разговоров.

Теперь он собирался сделать из меня преступницу, чтобы вернуть невесту.

Я поправила поводья и посмотрела на высокую фигуру Радана впереди.

Возможно, его люди действительно сумеют помочь.

Возможно, я только усложнила себе жизнь.

Но если Северин рассчитывал, что я испугаюсь первого распоряжения и вернусь просить прощения, он плохо помнил женщину, на которой когда-то женился.

Я не собиралась возвращать ему Тею.

И тем более не собиралась возвращаться сама.

Глава 3. Я останусь по своей воле

К Вересковой заставе мы добрались далеко за полночь.

Последний час я почти не чувствовала пальцев. Поводья натирали ладони даже сквозь перчатки, а спина болела так, словно меня несколько раз ударили доской. Рута устала и начала спотыкаться на камнях. Грач, обычно нетерпеливый, теперь шел с опущенной головой.

Я несколько раз предлагала остановиться, но Радан каждый раз показывал на ближайший поворот и говорил, что осталось немного.

В конце концов я перестала ему верить.

Поэтому, когда среди деревьев показалась высокая каменная стена, я испытала не облегчение, а раздражение.

— Это и есть ваша застава? — спросила я.

Радан придержал коня возле кареты.

— Да.

— Вы говорили, что до нее несколько часов.

— Мы ехали дольше из-за вашей кареты.

— У моей кареты есть имя?

Он посмотрел на меня с недоумением.

— Какое?

— Зеленая медлительная обуза, например. Вы уже несколько раз упоминали ее недостатки.

Радан неожиданно улыбнулся.

Всего на мгновение, но я успела заметить.

— Ваша карета довезла вас из столицы, — ответил он. — У меня нет причин жаловаться на нее.

Я хотела возразить, однако Рута споткнулась, и мне пришлось сосредоточиться на дороге.

Вересковая застава оказалась старым дорожным укреплением.

За невысокой стеной стояли двухэтажный каменный дом, конюшня и несколько хозяйственных построек. Над входом сохранился выцветший королевский герб. Одна из сторожевых башен давно лишилась крыши, другую использовали для хранения сена.

Похоже, здесь уже много лет не размещался настоящий гарнизон.

Зато окна главного дома светились.

У ворот Радан дважды стукнул рукоятью ножа по железной пластине. Изнутри ответили коротким ударом. Через несколько мгновений створка приоткрылась.

Мужчина с фонарем осмотрел нас, узнал Келла и отступил.

— Все спокойно? — спросил Радан.

— До вечера было тихо. Потом по северной дороге прошли двое всадников. К заставе не приближались.

— Откуда ехали?

— Со стороны Белого Моста.

— Хорошо. Закрывайте за нами.

Я провела карету под каменной аркой.

Во дворе горели два фонаря. Возле конюшни стояла телега с мешками овса. Под навесом сушились седла и попоны.

Увидев свободное место, я остановила лошадей и попыталась слезть.

Нога не слушалась.

Пришлось ухватиться за поручень.

Радан оказался рядом раньше, чем я успела поставить сапог на землю.

— Подождите.

Он протянул руку.

Я посмотрела на нее, потом на высоту козел.

Спорить было бы глупо.

Я оперлась на его ладонь и спустилась.

В первый момент колени подогнулись. Радан придержал меня за локоть, но сразу отпустил, когда я выпрямилась.

— Спасибо, — сказала я.

— Пожалуйста.

Он посмотрел на мои руки.

— Вы стерли ладони.

— Заметила.

— У нас

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.